

Валерий Орловский

РУЖЬЯ И ГОЛОД

Книга первая

ХРАМОВНИК

16+

Валерий Орловский

**Ружья и голод. Книга
первая. Храмовник**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Орловский В. В.

Ружья и голод. Книга первая. Храмовник / В. В. Орловский —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04147-9

300 лет прошло с момента последних ядерных войн и Утраты. Единственный оплот порядка на континенте — Орден — легион бессмертных воинов, облаченных в доспехи и несущих смерть огнем всем еретикам на Пути очищения. Их оружие — мечи и ружья. Их закон — Свод, который им даровала Мать. Волей ее Последнего Пророчества два храмовника с разными взглядами на жизнь — Белфард и Калавий — оказываются втянуты в череду заговоров и интриг. Вместе они отправляются в странствие, полное крови и неожиданных открытий.

ISBN 978-5-532-04147-9

© Орловский В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Пролог: «Женщина. Мужчина. Ребенок»	6
Часть 1. Обретший	10
Глава 1. Утрата	10
Глава 2. Слезы Матери	16
Глава 3. Кровью и Плотью	21
Глава 4. Истина и ложь	25
Глава 5. Триумвират	31
Глава 6. Виви	37
Глава 7. Иные	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предисловие

Человечество всегда стояло на пороге самоуничтожения. И, оценивая окружающую действительность, видя то, на что люди готовы идти ради богатства, власти и красоты, каким смертоносным военным потенциалом обладают государства, диктующие миру свои правила, мне порой кажется, что случится еще одна великая и, возможно, последняя война. Война, после которой, как говорил Альберт Эйнштейн, мы если и будем еще в состоянии воевать, то только камнями и палками. Война на опустошение, война на уничтожение не оставит в мире ничего другого, кроме огромных запасов произведенного оружия и величайшего, не ведомого доселе голода среди тех, кому не посчастливилось в ней выжить.

В мире тогда останутся, отринув все частности, только два противоборствующих полюса, как это было всегда – неугасающая в душах праведных людей человечность и безмерная, приводящая в ужас, жестокость и бездуховность. И неизвестно, что возобладает над другим. Или, быть может, впитает, поглотит в себя.

В цикле из трех романов, который я запланировал, и первый из которых вы, вероятно, сейчас начнете читать, я попытался пофантазировать, смоделировать то, что может произойти с человечеством после подобной войны. Действие книг, дабы не призывать кого-то делать выводы о соотносимости того или иного события или действия с реальным миром, будут происходить в другой вселенной, с другой географией, и будут проходить по несколько иной шкале времени. Впрочем, определенные сходства я все же сюда привнес, дабы читатель уж совсем не отстранялся от прочитанного.

При написании этого романа я вдохновлялся такими великими трудами как «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, «Темная башня» Стивена Кинга, «Хроники Амбера» Роджера Желязны, «Ведьмак» Анжея Сапковского, и, конечно же, огромное влияние на мою жизнь и мировоззрение оказал сэр Джон Рональд Руэл Толкин.

Надеюсь, что мой стиль повествования, мои идеи и незатейливые рифмы найдут отклик в вашем сердце.

Обезумевший мир, раскаленный враждой,
Где так много людей, но так мало любви,
Где привыкли решать все вопросы войной,
Где, имея столь времени, разума, сил,
Где есть столь редкая жизнь среди многих светил,
Мы свой рай возвести не смогли.

Пролог: «Женщина. Мужчина. Ребенок»

В деревне в ста пятидесяти километрах от Холли–Сити стояли тишина и запустение. Оставшиеся жители собрались в церкви в немом ожидании. С огромной фрески за алтарем за ними наблюдал ангел, улыбаясь лучезарной улыбкой, от которой тем не менее тянуло необъяснимой неискренностью.

Она появилась в сопровождении вооруженного ружьем мужчины в военной форме. На ее руках, хватая пальчиками воздух, покоился новорожденный ребенок. Она встала за кафедру, и крылья ангела на заднем плане, казалось, теперь росли из ее спины. По залу прошел испуганный ропот.

– Семь дней назад я стояла здесь, представ перед вами с благими намерениями и чистым сердцем. Я пыталась объяснить вам природу ваших душ, указать на греховность ваших мыслей и поступков. Но вы поносили меня. Называли меня сумасшедшей шлюхой, а моего сына безродным ублюдком. Семь дней назад я поведала вам ваше ближайшее будущее, а вы смеялись надо мной, называя безумной. И что же получилось в итоге? Я вижу ваши потерянные глаза, вижу ваши искалеченные тела и души, слышу ваши пустые, урчащие от боли желудки. Я отодвинула для вас Завесу, предупредила о конце вашего мирного существования, но вы отказались слушать. Вы возгордились тем, что носите ген бессмертия, и считали, что ужас и огонь не достигнет ваши жилища. Вы забыли, что всегда найдется кто-то, кто в темноте решит чиркнуть спичкой, а при свете задуть свечу.

Зал вновь наполнился беспокойным шептанием. Некоторые тыкали в женщину пальцем и что-то шептали на ухо соседу по скамье.

– Семь дней назад я объявила, что город, разросшийся до гигантских размеров, алчный и порочный, сгорит в пламени ядерного взрыва. Я сказала вам, что солдаты, на чью помощь и охрану вы так надеетесь, обернут вас до нитки и бросят на произвол судьбы, умирать без пищи и чистой воды. Я предупредила, что вы останетесь без поддержки своих бездушных машин и электричества, на которые вы так привыкли полагаться, и без которых стали беспомощнее дитя, что сейчас мирно спит в моих объятьях. И что вы тогда сделали? Вы прогнали меня. Вы побили мать с ребенком на руках. Оплевали и унизили. Но я не держу на вас обиды, потому что она есть часть природы всякого зла.

– Что нам с твоих предсказаний, если мы все равно ничего не смогли бы сделать? – выкрикнул пьяный мужчина с переднего ряда.

– Мои Пророчества – это ключ к новому миру, дитя мое. Слушай меня, и ты услышишь. Ты сказал, что вы ничего не могли сделать, но это не так. Вы могли поверить мне и уйти туда, где нет бед и невзгод, обрушившихся на вас. За эти семь дней не было бы убито и измучено столько людей, которых вы в исступлении и злобе обвинили во всех грехах. Не было бы смертей от внезапно ударивших морозов в ваших переставших отапливаться домах. Не было бы столько смертей от голода, настигшего вас, когда военные забрали у вас все до последней крохи. Вы были уверены в своей исключительности, непогрешимости и вседозволенности. И что я вижу теперь? Бессмертные, умирающие от голода!

Женщина развела руки в стороны и громко расхохоталась. Из зала донеслись ругательства. Несколько человек, хлопнув дверью, покинули церковь. Солдат проводил этих людей недобрый взглядом, внимательно вглядываясь в каждое лицо.

– Наделенные божественным провидением даром вечной жизни, вы, приговоренные Господом к величию и грандиозности ваших деяний, не исполнили его план. Вы стали жалкими, слабыми, загнанными в комфорт людишками. Вам было легче верить в ложь и несбыточные надежды, чем прозреть и увидеть истинную сущность ваших правителей. Они жирели и богатели, а вам, как бездомным собакам, бросали кость с ломящегося от угощений стола, а вы

жадно ловили ее своими зубами и раболепно за это благодарили. Но скоро ваши мучения закончатся – так или иначе. Я видела это за Завесой и мне открылось грядущее. Великое и непостижимое для ваших умов.

– И что же может одна женщина, да еще с такой обузой, как малое дитя? – выкрикнул другой мужчина, в деловом костюме и очках с узкой оправой.

– Я могу все! – глаза женщины засверкали, отражая свет горящих в зале свечей. – И даже больше. А это дитя – ключ к излечению ваших душ. Он тот самый мессия, которого вы тысячелетиями ждали. Не те лжепророки, которым вы поклоняетесь, а истинный спаситель. Ему суждено вдохнуть жизнь в начавшее угасать человечество. В его жилах, так же, как и в моих, течет Кровь Первых.

Люди недоуменно поглядывали друг на друга. Некоторые несколько раз перекрестились.

– Оставьте ваши знамения! – воскликнула женщина. – Они бессмысленны, пусты и не значат ровным счетом ничего. Все ваши верования – наглая ложь. Ложь тех, кто вкладывал в нее щепотку праведности и намеки на справедливость, чтобы она казалась истиной. Все ваши книги о божьих деяниях фикция, спекуляция на человеческой психике. Никто из тех, кто их писал, не имел ни малейшего представления о Боге и его планах.

– Как смеешь ты... – начал грузный мужчина в желтой рясе.

– Молчать! – взвизгнула женщина. – Ты, и такие как ты погрузили этот мир в хаос! Такие как ты несли отравленные ложью проповеди в невежественную толпу! Я уверена, что нет в этой деревне кого-то, кто богаче тебя, я права?

Люди с осуждением, а некоторые даже с отвращением уставились на священника. Тот смолк, и опустил назад на скамью.

– То-то же, – сквозь смех сказала женщина. – Ты и сам осознаешь всю мерзость и греховность ваших учений, просто еще не понял этого.

– И чего же ты хочешь от нас? – спросила девушка с длинной каштановой косой за спиной.

– О, на этот вопрос я отвечу, мое дитя. Я хочу от вас всего. Без остатка. Чтобы вы отрицали прошлое, и стали на Путь, на котором вы оставите все, чем так трепетно дорожили, и не будете владеть ничем. И только тогда и лишь тогда вы сможете что-то обрести. Мне нужна от вас ваша плоть. И ваша кровь.

– И что это за Путь? – вновь спросила девушка.

– Истинный Путь. Или Путь Очищения. Смотря, что выберет каждый из вас.

– А что мы получим взамен? – подал голос пьяный мужчина.

– «Взамен»? Вы привыкли, что нужно получать что-то взамен – деньги, власть, секс. Вы ничего не получите от меня взамен. Я одарю вас лишь тем, что вы осознаете себя на моем Пути, познаете то, что не могли познать через толстые стены ваших плоских умов, как и городов, возведенных для вас словно загон для скота. Я дам вам только Путь. Или Очищение. Это, если тебе угодно, дитя мое, ты получишь «взамен».

Священник опять подскочил со своего места и сотрясая руками, обратился к присутствующим:

– Где гарантия, братья и сестры, что ее устами сейчас с нами говорит не Дьявол? Что он не посылает ей эти видения, чтобы запутать ее и нас? Речи этой женщины подрывают нашу веру и основы церкви! Это ли не происки Сатаны?!

– Я никогда не говорила с Дьяволом. Я ему не подруга, и он мне не друг. Дьявол никогда не вторгался в мою душу, и уж тем более, священник, он никогда не говорил моими устами, – со сталью в голосе произнесла женщина. – А теперь сядь на место и больше не говори ничего, если ты не хочешь узнать другую мою сторону. Я не позволю себя унижать, как ты позволил этой толпе унижать меня неделю назад. А ведь, казалось бы, ты должен проповедовать добро

и сострадание! В тебе нет твоей же веры. Ты прикрываешься словами из своей книги, но ты ее даже толком ни разу и не прочитал, верно?

Глаза священника забегали. Он залился краской и медленно сел на место уже во второй раз.

– Добро. Сострадание. Милосердие. – продолжала женщина. – Пустые слова, когда людям дозволено творить то, что они хотят. Этому миру нужна железная воля и твердая цель, а не овечье блеянье!

– А что с этим солдатом? – мужчина в костюме указал на спутника женщины. – Его сослуживцы обрекли нас на медленную смерть, и он заслуживает такую же!

– Он увидел Истинный Путь в пламени и агонии. И теперь его душа чиста, как утренний воздух в горах. Сейчас он заслуживает того, чтобы стоять подле меня и вершить благие деяния на этом Пути. Он сделал Выбор, и отдал свою плоть и кровь, целиком и без остатка.

Мужчина рядом с ней поправил ремень ружья на плече. В его глазах читалось что-то, что наводило не меньший страх и трепет, чем слова женщины.

– Вы говорите о всех людях, или только о бессмертных? – спросила пожилая женщина в грязном фиолетовом платье. – Среди нас таких не мало.

– Пути это безразлично. Он впустит в себя любого, кто готов отдать ему себя. Или очистит любого, кто воспротивится. Для смертных у меня тоже есть план и свое место в новом мире. Я приведу любого, кто пойдет со мной, в земли на западе, которые я увидела за Завесой. Там, где нетронутые войной цветут поля и луга. Мы возделаем эту землю, не оскверняя ее работой бездушных машин, и возведем на ней неприступную твердыню, которая будет стоять там вечно. Спустя века вымирания, которые нам еще предстоит пережить, каждый дом вновь наполнится детским смехом. Мы облачимся в сияющие доспехи, как рыцари древности, и принесем огнем и мечом Очищение этому миру.

Зал разорвало от громких аплодисментов. Люди восхищенно рукоплескали в экстазе. Лишенные всякой надежды, они сегодня ухватились за новую, как за последнюю ниточку их существования. Лишь один священник не поддался общему настроению. Он обводил свою уже бывшую паству взглядом, полным ужаса и непонимания.

– Как же тебя зовут? – воскликнули из толпы.

– Мое имя сейчас не имеет никакого значения. Зовите меня просто Мать.

– Но как же нам ступить на Путь, который ты укажешь? – спросил мужчина в костюме. – Мне кажется, мы как-то должны доказать свою преданность.

– Мне нравится ход твоих мыслей, дитя мое, – с улыбкой произнесла женщина. – Ты все правильно понял. Я хочу, чтобы вы сейчас же разломали эти скамьи, сняли все помпезные шторы с окон, вырвали все картины со лживыми образами из рам, в которые их когда-то заключили, сложили все это в одну большую кучу, облили бензином и спалили эту церковь дотла.

Долго ей ждать не пришлось. Люди бросились со своих мест и начали громить церковь, в которой еще совсем недавно они молились по воскресеньям, исповедовались и целовали руки священнослужителям. Люди, словно актеры в каком-то фантазмагорическом представлении, с искаженными ненавистью лицами ломали, резали, били и крушили все, что попадалось под руку под строгим присмотром режиссера.

– Остановитесь! – взревел священник. – Что вы делаете?! Взгляните на себя! Это же кощунство! Вы будете гореть за это в аду!

Люди не обращали на него никакого внимания. Он повернулся и медленно, выставив указательный палец вперед, двинулся в сторону женщины.

– Ты осквернительница священных мест, а не какая-то там Мать, а твой ребенок не мессия, а демон, явившийся в этот мир, чтобы поживиться душами на пепелище конца света! Твоя душа проклята, и ты решила заразить этим проклятьем остальных! Я этого не допущу! Именем Господа, я...

Выстрел прервал его речь. В полнейшей тишине было слышно, как солдат возвращает затвор в прежнее положение, а по полу с металлическим звяканьем катится гильза.

– Он сделал Выбор, – торжественно объявила женщина. – А теперь вы сделаете свой.

Люди, как ни в чем не бывало, продолжили свои бесчинства.

Женщина встретила взглядом мужчину в костюме и жестом подозвала его к себе.

– Скажи мне, дитя мое, помимо тех людей, что не пожелали меня слушать, кто-нибудь еще есть в деревне?

– Нет, все кто есть собрались сегодня здесь.

– Я тебя услышала. Возвращайся к остальным.

Мужчина кивнул. Женщина переложила вес ребенка на другую руку и направилась к выходу из церкви. Солдат, будто уже зная о ее намерении, без задержки двинулся за ней, а следом и люди толпой высыпали на улицу. За их спинами во всю занималось пожиранием всего, до чего может дотянуться, яркое желто-красное пламя. Его отсветы на стенах создавали фантастические, полные таинственности и странных действий картины.

– Где дома заблудших душ, что не возжелали присоединиться к нам?

Жители деревни поочередно проводили ее в каждый дом, и выволокли оттуда их хозяев.

– Соорудите костры! – скомандовала женщина.

Через полчаса на окраине деревни было возведено шесть костров, которым скоро предстояло стать пепелищами. Ослушавшиеся женщину люди были привязаны к деревянным крестам, наспех сооруженным из досок, вырванных из ближайших изгородей.

– Во славу Пути, я отдаю ваши души священному огню Очищения! – возвестила толпе женщина. – Они сделали свой Выбор. Запомните, его сделает каждый, кто встанет на нашем Пути. Кровью и Плотью!

Она поочередно подошла к каждой жертве и поднесла факел к охапкам сена, моментально вспыхнувшим, испуская сизую дымку.

Сквозь копоть едкого смога птицы, высоко парящие в небе и уносящие свои крылья подальше от зараженных и омертвевших руин Холли-Сити, наблюдали печальную картину, представшую их взору – людей, с благоговейным восхищением наблюдающих за чернеющими останками горящей церкви и чудовищными муками людей, которые еще совсем недавно были их соседями, а, быть может, и чьими-то друзьями.

Часть 1. Обретший

Глава 1. Утрата

В келье было душно и тревожно. В потемневшее от копоти керосиновой лампы окно едва пробивался свет растущей луны. Тени играли с сознанием в только им известные игры, стараясь то ли напугать, то ли удивить, то ли свести с ума обитателя комнаты. На стенах едва угадывались останки пожелтевших и потрескавшихся пластиковых коробов, скрывающих в своих чревах давно умершие электрические провода – остатки канувшей в небытие цивилизации машин и электричества.

Никто уже не помнит, когда и почему случилось то, что случилось. Час Смерти, Судный День, Вымирание... У этого печального для людей события много имен, но ни одно из них не выразит тот ужас и непонимание, произошедшие почти три века тому назад. И ни одно из них не отражает действительности, поскольку каждое звучит как что-то внезапное, стремительное, молниеносно ворвавшееся в жизни и погубившее все надежды и мечты человечества. Но процесс был запущен задолго до того, как человек перестал быть чем-то значимым в этом мире. Его не замечали многие десятилетия, а, возможно, и много дольше. Орден дал этому явлению свое простое и куда более точное название – Утрата.

Белфард сидел на своей койке, не в силах сомкнуть глаз. Монаху только что приснился очень странный сон, и после этого он уже не мог сомкнуть глаз.

Церемония должна была состояться утром, и Белфард должен был сделать Выбор. Этот Выбор определял, кем он станет и по какому Пути его направит дальнейшая судьба. Все вокруг приводило его в неудобство – колючее застиранное одеяло, твердая, набитая соломой подушка, ночная одежда, прилипающая к его спине от невыносимой духоты. И этот сон... После пробуждения он практически сразу же забыл большую его часть. Но это чувство чего-то знакомого, чего-то необъяснимо близкого. Эмоции никак не отпускали сердце Белфарда.

Тени, образованные союзом лампы и косых лучей луны, раздражали не меньше. Они плясали по стенам, показывали свои языки и неприличные жесты. Их танец казался Белфарду неприличным. Они словно совокуплялись здесь, при нем, не испытывая ни малейшего стыда.

«Черт бы побрал вас и ваши мерзкие проделки. Черт бы побрал меня за мысли, что вы во мне вызываете. Ученикам даже нельзя о таком думать. Это ересь». Он резко соскочил со своего ложа и принялся ходить из угла в угол.

Келья была небольшой – пять шагов в длину и примерно столько же в ширину. В нее вьелся запах пота, плесени и почему-то сигаретного дыма. А ведь Белфард даже не курил. Он иногда думал, что этот запах ему мерещится только потому, что так пахнет источник его вечных бед и мучений, сопровождавший его все время обучения. Так пахнет этот старик...

Он шарил глазами в поисках того, что видел тысячи раз – оштукатуренные серые стены, крошечный столик из ореха, стеклянный графин с отколотой ручкой, и, конечно же, Знамение Матери, висевшее над кроватью. Оно было вырезано из дерева и представляло собой статуэтку, изображавшую женщину – Матерь, обнимающую свое Дитя. Каждый новоиспеченный монах должен был вырезать себе Знамение. Белфард ненавидел его. Лицо Матери ему казалось похотливым, а лицо ребенка, который получился намного больше и старше, чем должен быть, представляло гримасу отсталого кретина с идиотской улыбкой. Матерь обнимала Дитя не за плечи, как это описано в Своде, а как будто бы притягивала своими ладонями лицо ребенка-идиота для страстного поцелуя, что еще больше подчеркивалось ее полуоткрытым ртом и слегка прищуренными глазами. А может он хотела его укусить?

«Перестань об этом думать. Твои дурацкие мысли выдают грехи твоей души. Так мне здесь говорят. Я себе противен, черт бы меня побрал, и даже не могу понять почему! И черт бы побрал этот Выбор, который я должен сделать. Почему я вообще должен что-то выбирать?».

В дверь кельи едва слышно постучали. «Дерьмо! Кого нелегкая несет в такую ночь?! Они что, не знают, что мне предстоит утром!». Белфард осторожно подкрался к двери и прислушался. Ответом было полнейшее безмолвие. «Неужели мне почудилось, и эти проклятые тени и изваяния свели меня с ума?». В дверь снова постучали. Вернее, даже не постучали, а как будто поскреблись. Словно по ту сторону в дом просится нагулявшийся кот.

– Кто там? – спросил Белфард.

– Это капеллан Калавий, – донеслось из-за двери. – Не мог ли ты меня впустить? Не хотелось бы, чтобы кто-то доложил Храмовому Совету.

Белфард открыл засов и впустил ночного гостя. Он проскользнул в келью, быстро закрыл дверь и опустился на табурет.

– В Час Одиночества я не должен тебя беспокоить, но такова воля моего сердца, – сказал капеллан. – Я видел много братьев, что находились когда-то на твоём месте, и знаю, в какой шкуре тебе приходится вариться.

Высокий, сутулый и с коротко остриженной с проседью бородой, он смотрел прямо в глаза Белфарда. Про себя Белфард называл его старик, хотя едва ли их возраст был внешне различим. Седина, затронувшая его бороду и волосы, были следствием не старости, а пережитых душевных волнений. Лицо Калавия пыталось выразить дружелюбие, но в нем явно читалось беспокойство. И явное подозрение. Он снял с пояса ножны с клинком и отставил к стене.

«Он знает о моих мыслях. Он всегда видел во мне этот дефект. Дефект неверия. Дефект непонимания. Дефект безразличия. Сегодня утром он отправит меня не выбирать, а напрямик на костер».

Капеллан достал из кармана большой кожаный кисет и начал набивать трубку.

– Ты знаешь, зачем я здесь? – спросил Калавий.

– Нет, Учитель. – нехотя ответил Белфард.

– А знаешь ли ты, зачем здесь ты? – лицо Калавия выражало интерес.

– Я служу Матери и делу Ордена, – отчеканил монах.

– Эти слова я слышу каждый день, – со вздохом произнес капеллан. – Это наши слова. Я хочу услышать твои слова.

Белфард молчал, уставившись на клинок капеллана.

– Ты меня боишься, – проговорил капеллан. – Как и всякий, кто проходил обучение. Я был строг и непреклонен, но завтра ты станешь моим братом. Или не станешь... Выбор за тобой – Кровью или Плотью, но ты сделаешь его.

Белфард продолжал безмолвствовать.

– Твой страх понятен, но он лишний, – говорил Калавий, выпуская густые клубы дыма. – Я пришел поговорить как друг. Впервые. И только с тобой. До сегодняшнего дня я не оказывал никому такой услуги.

– Я ценю это, Учитель, – соврал Белфард. – Но разве это не против правил.

– Против, – глаза капеллана сощурились. – И Свод прямо об этом говорит. Но он так же говорит, что в час нужды всякий брат придет на помощь другому брату. И поэтому я не вижу здесь противоречия. Но Храмовый Совет, конечно, будет иного мнения.

«Он знает. Знает о моих сомнениях. Он сожрет меня с потрохами и не оставит и намека на то, что я когда-то посмел осквернить своими мыслями эти стены».

– Ты необычный молодой человек, – продолжал Калавий. – Чрезвычайно необычный. Беспокойный. Непокорный. И в этом ты отличен от многих. Но я пришел тебя предостеречь. С самого первого дня я бил тебя за вольнодумство. Когда мы скрещивали деревянные мечи на тренировках, ты пытался нападать, а не защищаться, как это делали другие. И я снова тебя

за это бил. Ты ходил по ночам, за что я тебя бил. Ел не в меру, за что я опять же тебя бил. Сколько раз я тебя за все это время бил, Белфард?

– Много. И всегда по делу, Учитель, – ответил монах.

– В этом то и есть проблема, – сделал вывод Калавий. – Откуда вдруг такая покладистость? Ты уже три месяца не нарушал наших уставов, ни с кем не дрался и держал язык за зубами. О чем ты думаешь?

«Он меня раскусил. Этот старый хитрый лис залез в мой амбар и передал там всех кур».

Белфард опять взглянул на клинок Калавия. Капеллан уловил этот взгляд. Он всегда все видел и подмечал. Он годами сжигал и разил мечом еретиков. Для него не было угрозы, которую он не в состоянии был моментально пресечь.

– Я уже не так молод и быстр, – сокрушенно произнес капеллан. – Годы, знаешь ли, дают о себе знать.

«Кого ты обманываешь? Даже смерть побоялась бы к тебе подойти ближе, чем на два шага. Подлый старикан видит меня насквозь и пытается спровоцировать. Стоит мне сделать хоть шаг, и он укоротит меня ровно наполовину».

– Я знаю тебя шестьдесят лет, Учитель, и ты ни на год не изменился, – отозвался Белфард.

– Вздор. Хоть и приятно это слышать, но все же это лесть. Она губит душу того, в чьи уста вложена, и вдвойне того, кто ее слышит.

– Прости, Учитель. Я ничего такого не хотел, – он боялся, что после этих слов последует наказание.

– Ты просто не подумал... – успокоил его Калавий. – Впрочем, я здесь не поэтому. Как я уже сказал, я прекрасно понимаю, что ты сейчас чувствуешь.

«А я думал Мать вложила меч в твои мозолистые ладони, как только ты начал делать первые шаги».

– Я здесь для того, чтобы дать тебе последнее наставление. Это моя последняя проповедь, и самая важная. И моя первая за многие годы исповедь. Я не мог говорить об этом с тобой при всех, Белфард. Такие речи... Нежелательны... Да, это слово вполне подойдет. Нежелательны.

«Он пытается добиться признаний. Но я ничего не скажу. Он не подкупит меня этим дружелюбным тоном».

– Ты ведь родился уже после дней Утраты? – поинтересовался Калавий.

– Думаю, да, учитель, – ответил Белфард. – Точной даты никто не назовет, а сам я ничего не помню.

– Разумеется, разумеется... – на лице капеллана отразилась непонятная тень. – Увы, мне посчастливилось или не посчастливилось выйти на свет Божий в те дни, когда миру казалось, что никакой агонии сегодняшнего мира никогда не случится. Интернет и телевидение пестрили грандиозными заголовками о светлом будущем – колониях на других планетах, безопасных источниках энергии, высоком уровне здравоохранения и культуры человечества. Ты, конечно же, помнишь, что такое интернет и телевидение?

«Конечно же я помню, что такое интернет и телевидение. Также как газеты, журналы, радио и кино. Чрево лжи, языки Дьявола, голоса ереси. Вы ни на минуту не давали нам забыть об этом».

– Да, – коротко ответил Белфард.

Старик внимательно всматривался своими голубыми, пронзительными глазами в лицо Белфарда. Один из них был подернут молочного цвета бельмом – следствие многолетней борьбы с еретиками и иными. И в них вечно пылало пламя Очищения. Он мог сжечь человека одним взглядом, даже не возводя на костер.

– Обман. Ложь. Развращение умов и размягчение для мозга людей, – Калавий говорил эти слова с гневом. – Вот что представляли собой эти вещи. Они не давали людям увидеть

суть, добраться до истины, осознать, в какую бездну на бешеной скорости летит этот мир. Они крали у людей последние зачатки критического мышления...

«Можно подумать, вы делаете что-то отличное от этого. Бесконечная муштра и правила для непонятно каких целей. Путь! Путь! Путь! Да что это дерьмо вообще значит».

– А меж тем молодые и старые, совсем еще дети умирали в бесконечных войнах, – продолжал капеллан. – И для каждой стороны эти войны казались победоносными. Короткими и бесчеловечно смертоносными. Смертные со смертными. Бессмертные со смертными. Я был в городе, где за пятнадцать минут сгорело девять миллионов человек. Я видел пепел и боль, страх и удивление на лицах тех мумий, что раньше были детьми и матерями, женами и мужьями, друзьями и соседями, богатыми и бездомными. Что тогда было толку от вечности жизни или от ее неминуемой конечности? Все они поджарились в этот ничтожно короткий промежуток времени. Много ли это для нас – пятнадцать минут? Возлечь с женщиной? Испражниться? Позавтракать? Кто-то за это время успел срезать розы в саду, а кто-то сгореть заживо вместе со всеми, кого ты знал. Такими страшными были эти войны. Но политики твердили с экранов, что это крайняя мера, необходимость на пути осуществления мечты и желаний каждого живущего – долгого мира. Ложного пути. А мир все не наступал. Младенец при рождении первым чувствовал запах пороха и кострищ, а не вкус материнского молока.

Но ничего страшного в этом нет, ведь правда? Их одиннадцать миллиардов, не будет лишним проредить стадо и очистить место для себя. Так они думали – власть имущие. В руках единиц было богатство и власть над сотнями миллионов. Эти войны казались договорными. Мой отец был боксером, не самым лучшим, но все же он многое мне рассказывал. В том числе о договорных боях. Упасть в третьем раунде, лечь в пятом. Для них эта была забава – смерть. И деньги. Они тогда не знали, что дети перестанут рождаться. Что чрева матерей будут вынашивать мертвых детей. А те, что рождались... Иные... Они уже не были людьми. Эти твари, эти мутанты могли издавать только вой и сеять смерть. Когда они рождались, их матери практически всегда умирали. А те, что оставались в живых, сходили с ума, увидев то, что они произвели на этот свет. Потом иные стали плодиться меж собой, и вот их стада по числу уже ничем не уступали здоровым людям.

Но куда хуже политиков и богачей были ученые. В своей еретической страсти познать все тайны Бога, углубиться туда, где есть только Дьявол и его деяния, они копали так долго и так жадно, что забыли к чему все это может привести. Даже те открытия, что, казалось бы, должны принести пользу, стать для человечества панацеей, несли лишь тьму и смерть. Лекарство от рака – будем продавать его по такой цене, что простые люди просто не смогут его себе позволить. Открыта новая планета с неисчерпаемыми запасами природных ресурсов – исчерпаем! Новый термоустойчивый экзоскелет – на фронт! Новый вид транспорта – на фронт! Новый источник энергии, что позволил бы питать мегаполисы столетиями – сделаем из него оружие, и, конечно же, на фронт! Наука и природа подарили нам долгую жизнь, чтобы мы наблюдали за падением рода людского, не в силах что-то изменить. Или скорее думали, что не можем ничего изменить.

Познание человека жестоко. Оно алчно и слепо. Это изъян, что Бог не искоренил в людях. Но я видел этот изъян. Его видела наша Мать. В том сгоревшем городе, склонившись над искореженными трупами детей в школьном автобусе, я дал клятву, что истреблю источник этой заразы в душах людей. И ты дашь эту клятву – так или иначе ты послужишь нашей цели. Это цель – благо для всех нас. Эта цель – Истинный Путь, который согревает в своих объятьях Мать. Этот цель – плод, что она убаюкивает в своих руках.

Белфард больше не смотрел на клинок капеллана. Он жадно всматривался в лицо старика, силясь угадать, что сейчас произошло. То, что он сейчас рассказал, было откровением. Или ловушкой? Белфарду порой казалось, что вместо сердца у Калавия был сгусток голубого пламени, которое не сжигало его только потому, что оно омывалось кипящей кровью. Но все

же этот рассказ был странным. Он не значился ни в одном из его жизнеописаний, хранившихся в библиотеке Ордена.

Такая откровенность удивила Белфарда. Не смотря на свою подозрительность, он был уверен, что капеллан говорит правду. Белфард пытался представить себя на месте Учителя, представить, о чем он думал и какие чувства терзали его душу в тот момент. От этой мысли ему стало неприятно. В отличие от других монахов, его всегда одолевали сомнения. Его мысли касаясь учений Ордена были двойственны. И у него это плохо получалось скрывать, о чем сам капеллан только что напомнил. Но ему также всегда казалось странным, почему Учитель предпочел костру избиения. Многие были убиты и за меньшие проступки. Однажды он сказал одному из учеников, что Превосходительство ему противен, и что называть этого мерзкого жирдяя свиньей будет оскорблением для настоящей свиньи. Это, конечно же, услышал капеллан. В тот день Калавий отвел его и того, ученика, с которым говорил Белфард, во внутренний двор и побил обоих. И все, что он сказал тогда, это «Держи язык за зубами». Причем в это момент смотрел он вовсе не на Белфарда.

Почему тогда он не отправил его на костер? Такой грех карается Сводом анафемой и смертной казнью. Но Белфард остался невредим, не считая сломанного ребра и униженного самолюбия. Всю неделю тогда он боялся доноса Морана. Так звали монаха, которому Белфард имел неосторожность высказать свои мысли. К счастью, этого не произошло.

Все в Ордене знали о напряженных отношениях Превосходительства и капеллана Калавия. Конечно, они никогда не выражали ее открыто. Но это прослеживалось в том, что Калавий до сих пор был капелланом, а не капитаном-инквизитором, и в том, что капеллан очень редко говорил на своих уроках о Превосходительстве, в отличие от других учителей, которые видели в нем новую мессию. Даже их слава разделяла их – первый сыскал славу благочестивого святого, второй – фанатика и убийцы. Однако кровь на руках была у обоих, и неизвестно еще, кто в ней запачкался больше. Кровью и плотью – таков выбор – и оба выбрали кровь.

Калавий вытряхнул трубку в чашу на столике. Было видно, что он изучал реакцию Белфарда на происходящее. Страх, удивление и странное восхищение – вот что чувствовал капеллан. Они повисли в воздухе, ими разило от ученика. Оба это знали. Белфарду вдруг пришла в голову идея, что этот разговор напоминает ему партию в шахматы. И раздумывал, как подвинуть свою фигуру в следующий ход, чтобы ему не поставили мат. Но чувство опасности постепенно покидало его. Да, Калавий определенно имел мотивом своего визита допрос. Но в этот раз целью допроса было не признание вины, а изучение реакции собеседника.

«Старик здесь не за тем, чтобы вершить правосудие. Но тогда зачем?»

Калавий сидел, сдвинув брови. Он явно обдумывал то, что хочет сказать. Так в молчании они провели около минуты. Наконец капеллан продолжил:

– Убивать у людей в крови, Белфард, – капеллан смотрел куда-то в пустоту. – Так всегда было и будет. Умение сохранить жизнь – это может быть только в душе. Но это ничто по сравнению с умением эту жизнь отнять. Во имя высшей цели. Отринув все предрассудки, все человеческое. Мои грехи всегда будут со мной. До того, как я начал служить Матери, я сделал не мало ошибок. И еще больше после этого. В тебе есть то, чего ты пока не знаешь. Но знаю я, знает Превосходительство, но не знает Храмовый Совет.

– Я не понимаю, о чем вы? – удивился Белфард. – В Обители много достойных и куда более способных учеников, чем я.

– Способных – да. Достойных – возможно, – сказал Калавий. – Но ни у одного из них нет того, что есть у тебя.

– Что вы имеете в виду? – в голосе Белфарда звучало недоумение.

– Твоя кровь, Белфард. И твоя плоть, – загадочно ответил капеллан.

– Я не... – начал монах.

– Мне пора, – отрезал Калавий. – Час поздний, а завтра ты получишь ответ на многие из своих вопросов.

Капеллан растворился во тьме коридора, оставив Белфарда наедине со своими мыслями и сомнениями. И этот разговор их только помножил.

Глава 2. Слезы Матери

Выбор или Посвящение – последний этап, который проходят ученики перед посвящением. Всего этих этапов пять. Первые десять лет жизни монахов в Обители посвящены первому этапу – Откровению. В этот период ученики изучают Свод, жизнеописания духовников Ордена и другие священные книги. Все остальные книги и письма, кроме тех, что содержатся в библиотеке, под запретом как источники ереси и инакомыслия.

Следующий этап – Заточение. Ученика, который проходит его, отправляют в катакомбы – естественные пещеры под Обителью, в которых выдолблены специальные кельи, похожие на камеры для заключенных. Здесь монахи под замком ровно один год проводят наедине с собой. Единственное занятие в это время – это чтение книг из библиотеки, подземного хранилища знаний и мудрости, всего около тысячи томов различной литературы. Здесь же содержится дневник Матери, который она начала вести в первые дни после Утраты и до самой своей смерти. Кроме того, в этот период ученики молятся и медитируют. Смысл этого обряда – максимальное единение с Матерью, поскольку именно под землей, под обломками здания, на нее снизошло Истинное Откровение и появился дар предвидения.

Третий этап – Страстность. После выхода из катакомб ученику дается три дня на отдых от мрака подземелья, полноценную еду и привыкание к дневному свету. На третий день монах должен возлечь с женщиной и попытаться зачать с ней дитя. Если женщина беременеет, что случается крайне редко, ученик берет ее в храмовые жены и девять месяцев он должен хранить и оберегать ее, а затем продолжить обучение. Если рождается мальчик, он остается с отцом в Обители и становится монахом. Если же на свет появилась девочка, она отправляется с матерью в Храм Матери. Чему учат и как готовят девочек, является тайной, в которую посвящены только Превосходительство и Храмовый Совет.

Затем монахов отправляют в Дом Страстей – башню левого крыла Обители. Если говорить проще – это пыточная. Здесь монахов обучают искусству допросов и дознаний, а также учат переносить боль и истязания. Это время символизирует муки, которые Мать испытывала при рождении Дитя – первого живого ребенка, рожденного после начала Утраты. На этот этап выделяется еще три года жизни учеников

Воззвание – четвертый этап обучения монахов. Самый долгий период, в который учеников обучают ковать мечи и мастерить другое оружие и боеприпасы, в том числе ружья и пистолеты. На ристалищах ученики познают военное дело – искусство сражения на мечах, стрельбу из луков и огнестрельного оружия, рукопашный бой, теорию, стратегию и тактику ведения боевых действий. В этот же период монахов обучают возделывать сады и поля, строить временные жилища, что затем пригодится в походах, ухаживать за лошадей и скотом. Машины и компьютеры запрещены Сводом, поэтому весь труд производится руками самих учеников. Также каждый ученик должен освоить одно из пяти искусств на выбор, чтобы затем передать свой опыт и знание другим монахам – живопись, поэзия, скульптура, музыка или архитектура. Этот период символизирует Воззвание Матери – начало ее борьбы с пороками этого мира, когда она созвала первый Храмовый Совет, собрала под своими знаменами первый легион храмовников и повела в первый Истинный Крестовый Поход, длившийся тридцать три года, и присоединивший к Храмовым Землям первых сателлитов, образовал таким образом Обитаемые Земли с метрополией в Обители – именно столько лет жизни ученика уходит на освоение данного этапа.

Последний же этап – Выбор – длится тринадцать лет. Все это время ученик проводит в походах с уже посвященными храмовниками и возвращается в Обитель, чтобы принять решение, которое определит его дальнейшую судьбу. Там он наблюдает за Очищением, а если проще за истреблением еретиков и иных. Самому монаху в битвах и казнях участвовать запрещено. Обучение, как правило, проводится на границе Обитаемых Земель, и глубоко в Пустоши уче-

ников не отправляют. В походах ему также необходимо вырезать Знамение Матери, чтобы при возвращении представить его на изучение и оценку Превосходительству. Час Одиночества, который на самом деле длится пять дней и в который запрещено общаться с кем бы то ни было в Обители, монаху и предстоит сделать самый тяжелый в своей жизни Выбор – чем он жертвует для Ордена – Кровью или Плотью. Отказ сделать Выбор приведет любого ученика на костер.

*Слезы Матери льются рекою,
Должен Выбор поход расколоть,
Матерь жертвует чистою Кровью,
У Дитя отбирают Плоть.*

Смысл выбора достаточно прост. Выбор Крови определяет тебя в инквизитории – храмовников, задача которых участвовать в крестовых походах против еретиков и иных, чьи деяния нарушают мир и гармонию нового мира, который строят Превосходительство и Храмовый Совет.

Выбор Плоты определяет тебя в претории – стражей Обители и личной гвардии Превосходительства и Храмового Совета. Их задача – оберегать Обитель и территорию Храмовых Земель от нападения извне, держать осаду, а также патрулировать помещения Храма Матери в ночное время.

Этот этап олицетворяет Выбор Матери – жертву, которую она принесла ради спасения своего легиона, разбитого в сражении с жестокими варварами Восточных Пустошей. Армия отступала, и, зная, что еретиками нужна только она и ее Дитя, Матерь приказывает командующим когортами – капитану-инквизиторию Логрену и капеллану Калавию – отходить без нее. Логрен впоследствии отказался от своего имени и нарек себя новым. Теперь все его знают как Превосходительство. А Калавий так и остался на прежнем месте, хотя легиона уже фактически не существовало. Он стал судьей и палачом священного огня Очищения. Участь же Матери и Дитя были не завидны – она была ранена в бедро и ей пришлось наблюдать, как еретики-канибалы убивают и съедают Дитя (по хроникам ее сыну на тот момент было тридцать три года), после чего она сама истекает кровью и умирает. Отсюда и слова молитвы, которые определены в Выборе – Кровь Матери и Плоть Дитя, пожертвованные ими ради сохранения дела Ордена на Пути Очищения.

Весь период обучения занимает шестьдесят лет. И эти шестьдесят лет Белфард провел в тренировках, походах и молитвах. Он прошел тот же Путь, что прошла Матерь, но едва ли смог обрести ту же святость. Наоборот, он сделал его черствым и безучастным. Во время Воззвания он наблюдал совсем не то, о чем им твердили учителя. Дикие, жестокие и безмозглые дикари – вот характеристика жителей Пустошей, которую им давал Калавий и прочие. Да, они были дикими, жестокими и невежественными. Но они были живыми людьми, иногда абсолютно беспомощными. Преступлением многих было лишь то, что они жили на границах Обитаемых Земель. Хотя, разумеется, попадались и редкие ублюдки, чьими любимыми занятиями было жрать друг друга, грабить, убивать, насиловать и заниматься инцестом. Этим было абсолютно не жаль. Но вот другие...

Раньше продолжительность жизни людей была в среднем шестьдесят-семьдесят лет. Но с появлением гена Фокенау – названного в честь открывшего его ученого, который иначе называл его Геном Ассов – примерно за сорок лет до Утраты, треть населения планеты фактически стала бессмертной. Наверняка это неизвестно, поскольку это предположение строится лишь на том принципе, что ни один из обладателей данного гена с момента его открытия не умер естественной смертью. Видимо поэтому ученый называл его по-другому – Геном Асов – древних и могущественных богов северных земель, наделенных долголетием, но все же не бессмертием.

Печально то, что именно благодаря этому открытию и произошло тотальное перенаселение. Из-за чего начались ядерные войны, которые привели к бесплодию у большей части населения Земли. Природа всегда умела восстановить баланс, и в этот раз она сделала это руками самих людей.

«Да, пожалуй, в этом Калавий был прав», – с такими мыслями Белфард встречал утро.

Конечно же, он был носителем гена Фокенау, как и все монахи и храмовники Обители. Однако в сравнении с Превосходительством и Калавием, лично знавших Матерь, Белфард чувствовал себя на их фоне совсем еще мальчишкой.

В келью постучали. Белфард вздрогнул от неожиданности. Как и всякий раз, ожидая чего-то неприятного, его мозг отказывался объективно оценить время. Сон так и не посетил его в эту ночь, ограничившись лишь образами, всплывавшими на горизонте бокового зрения. Он не помнил, как они выглядели, но ничего приятного они не сулили.

Едва ли солнце справлялось лучше луны, пытаясь пробиться сквозь этот нагар на окне. Он заставил подняться свое окаменевшее тело и подойти к двери.

– Кто там? – спросил Белфард.

Ответом было молчание.

«Идиот, конечно же никто тебе не ответит».

Он открыл дверь и взгляделся в посетителей. Делаф и Скотти. Эти двое вечно, как испуганные щенки, таскались друг за другом. Они начали обучение позже Белфарда и проходили этап Воззвания. Судя по всему, сегодня была их очередь прислуживать в Обители. Делаф был высокий и худой как жердь, с длинными прямыми волосами, а его плоскими ладонями он мог бы обхватить себя вдоль талии, и его пальцы при этом еще оставались бы висеть в воздухе безвольными макаронинами. Скотти был широкий, коренастый, невысокого роста и коротко стрижен.

– Приветствую вас, братья. Да прибудет с нами Матерь и Дитя, – от голоса Белфарда несло нескрываемой иронией.

Оба практически одновременно кивнули. Они не заметили в словах Белфарда издевки. Белфард всегда пытался быть саркастичным, когда нервничал.

– Кровью и Плотью, – сказал Белфард с хитрой кривой улыбкой

По традиции нужно было повторить знамение, но обет молчания в Час Одиночества нарушать было нельзя. Делаф и Скотти переглянулись. Потом посмотрели на Белфарда своими щенячьими глазами. И снова переглянулись.

Белфард поднял подбородок и звучно захохотал.

– Чертовы идиоты, – сквозь смех выдавил он. – Ей богу, если бы вы не были такими милахами, я бы спустил вас с этой лестницы до самой трапезной.

Скотти насупился, а рот Делафа растянулся в идиотской улыбке.

– Я смотрю вы с дарами от самого Превосходительства. Как поживает Его Святейшество? О, прошу прощения, вам же не положено со мной говорить, – он уже сам начал уставать от этих шуток, но вид их озадаченных лиц приводил доставлял ему удовольствие.

«Какого хрена меня расперло на эти шутки?! Можно подумать, через час меня не будут терзать в Зале Выбора, а Его Святейшество не будет трясти меня за грудки, требуя сделать Выбор, пока я, как эти идиоты, буду стоять как истукан, не в силах вымолвить и слово».

Монахи продолжали пялиться на него, застыв на месте.

– Разрази вас гром, вы так и будете стоять?! – выкрикнул Белфард.

Оба резко подскочили, так, что Делаф едва не перевернул поднос с едой, а Скотти расплескал часть воды из кувшина с водой для умывания.

Белфард снова засмеялся.

– Одно слово, милейшие идиоты. Хотя нет... Получилось два слова!

Пока он корил себя за приступы неуместного веселья, двое гостей перепутали местами предметы, которые несли для посвящающегося – Делаф поставил поднос на пол, а Скотти кувшин на стол. Белфарда снова разобрал истерический смех.

– Вы ставите меня перед тяжелейшим Выбором, ребята! – взглянув на эту картину, произнес монах. – С одной стороны, мне хочется выбрать Кровь и поскорее уехать отсюда карать грешников и еретиков, чтобы не видеть ваши рожи. Возможно меня даже застрелят, и мне не придется сюда периодически возвращаться. Но с другой стороны, выбери я Плоть, останусь здесь с вами, чтобы тридцать лет, каждый день, с превеликим удовольствием, колотить вас... В любом случае, дайте мне одно обещание – чтобы я не выбрал, вы потом выберете обратное, и тогда нам всем будет спойненько-приспокойненько. А теперь сделайте одолжение, уберите, а?

Обоих сдуло как ветром. На самом деле Белфард пользовался своим положением. Он был без пяти минут храмовник, а значит выше их по положению. Если бы он полез с ними в драку, то, скорее всего, они отделали бы его не хуже славного капеллана Калавия.

Он наспех умылся. На подносе лежало яблок, тарелка со сливочным маслом, кусок хлеба и ломтик отваренной говядины. К еде Белфард не притронулся.

В дверь снова постучали. Открыв дверь, Белфард обнаружил за ней Калавия и Морана. Ночное беспокойство Калавия как рукой сняло. Он был холоден и спокоен. Во взгляде читалось недовольство.

«Щенки пожаловались папе псу. Думаю, он их не слабо за это отгаскал их за хвосты. Отгаскал бы и меня, но сегодня я неприкосновенен».

В уголках губ Морана читалась ухмылка. С тех пор, как он, Калавий и Белфард разделили тайну о свиноподобности Превосходительства, она не сходила с его лица. Этот латентный шантаж раздражал Белфарда. Он всегда ненавидел Морана. Та фраза, которую он бросил ему в адрес Его Святейшества была связана только с тем, что Моран в тот день бесконечно зудел с соседом по скамье о величии и неповторимости Превосходительства. Белфард даже иногда думал, что недолюбливает Превосходительство только из-за него.

Моран, так же как и Белфард, направлялся на церемонию Посвящения. Он уже был облачен в серебряный доспех с гербом Ордена – Последней слезой Матери на фоне голубой розы. На плече отсутствовал знак фракции, к которой ты принадлежишь. Его наносили ювелиры уже после того, как ты сделал Выбор. На бедре висели инкрустированные топазами пустые ножны.

Они прошли по коридору и спустились по крутой лестнице на этаж, где проводились церемонии. Внизу их уже ждал командующий преториев Вар. По традиции, на церемонию посвящения учеников провожали капитаны обеих фракций, но поскольку капитан-инквизиторий Аргус был сейчас в походе на Северные пустоши, его подменял капеллан Калавий.

Рядом с Варом стоял его оруженосец. Левее возвышалась стойка для лат, на которой поблескивали доспехи Белфарда – его будущая кожа на всю оставшуюся жизнь. Он и раньше носил броню, когда был наблюдателем в походах, но она была легче и надевалась скорее как мера предосторожности, поскольку монахи в битвах не участвовали.

Оруженосец Вара – Бомо – снял со стойки доспех и начал облачение. Застегнув последние ремни и отдернув латы вниз, чтобы проверить их фиксацию, оруженосец, довольный своей работой, отошел в сторону. Белфард, в свою очередь, снял со стойки ремень, на котором были закреплены пустые ножны. В отличие от ножен Морана, цвета состаренной меди и украшенных прозрачно-голубыми камнями, ножны Белфарда были серебристыми, а красоту их венчали черные, словно бездна, агаты.

Вар и Калавий встали напротив посвящаемых. На плече Вара была выгравирована эмблема его фракции – крепостная стена, над которой восходит солнце. На стену была нанесена надпись «VISCERA». На доспехе Калавия значилось другое изображение – огненные языки, пожирающие голову язычника. На лбу язычника, открывшего рот в агоническом вопле, зна-

чилась надпись «SANGUIS». На груди справа у обоих был герб Ордена – Последняя слеза Матери.

Калавий взглянул на Вара. Тот кивнул и повернулся к Белфарду и Морану. Калавий начал речь.

– Час Одиночества окончен! – торжественно сказал капеллан. – Сегодня вы будете приняты в наши ряды и станете нашими братьями. Вот уже три столетия мы принимаем в наши ряды новых храмовников. Женщины, с которыми вы возлегли, дали потомство лишь одному из вас. Моран, твоя дочь жива и здорова в Храме Матери. Недавно она отметила свое совершеннолетие – тридцать три года – и в отличие от Дитя, продолжает жить. Благодарю за это Матерь, ибо это ее жертва дает ей сегодня дышать!

– Я благодарю Матерь за ее дар и за ее жертву! – ответил Моран.

– Независимо от того, какой Выбор будет сделан, – продолжал Калавий, – Вы послужите нашему общему делу. Триста лет прошло, а реки крови продолжают литься, потому что мир не хочет меняться. Ему нужно Очищение, которое принесем мы. Кровью или Плотью – вот ваш Путь. Иной Выбор – путь трусости, невежества и могильных костей в пламени Очищения. Восславим же Матерь, даровавшую нам жизни своей жертвой!

«Кровью и плотью!» – эхом пронеслось по коридору.

Вар сделал шаг вперед.

– Идите за мной! – пролаял командным голосом командующий преториев. – Сейчас вы предстанете перед Храмовым Советом. Помните все, чему вас учили, и делайте и говорите только то, что вас просят.

Впятером они двинулись к высоким двухстворчатым дверям, обитым железными полосами – вход в Зал Выбора. Моран посмотрел в глаза Белфарда. Что-то в этом взгляде вызывало тревогу...

Глава 3. Кровью и Плотью

Зал Выбора представлял собой большую овальную комнату с круглыми мраморными колоннами по обеим сторонам. Зал располагался в северной башне правого крыла обители. Глубокий свод потолка был украшен изображением Матери, обнимающей Дитя. Вокруг них летали ангелы, играющие на различных инструментах – арфах, флейтах, скрипках и множестве других, названия которых Белфарду не были известны. Во время Воззвания он выбрал архитектуру, поскольку считал, что из всех видов искусств это будет наиболее практичным. Поэтому в музыкальных инструментах Белфард не особо разбирался.

У противоположной стены, на большом возвышении, стояло четыре кафедры. За ними стояли члены Храмового Совета, высшие храмовники, знавшие Мать при жизни, гвардейцы ее легиона и личные стражи – преподобные Серафим, Касий, Матвей и Иона. Все они чем-то были похожи на Калавия. Высокие и слегка согбенные, с едва проступающими сединами, они напоминали титанов, держащих небесный свод. Их латы блестели, но на них были видны отметины былых сражений – глубокие царапины, вмятины, следы отрикошетивших пуль.

За их спинами представало во всей красе огромное окно с цветным витражом – слеза на фоне голубой розы. Начинался дождь – его капли назойливо стучались в окно с другой стороны.

В отличие от Вара и Калавия, на плечах их не было никаких знаков отличия, но была выгравирована одна единственная надпись «МАТЕР». В зале стоял полумрак, и их лица были едва различимы.

Подле кафедр стояло три пьедестала. На центральном, чуть впереди, располагалась толстая книга в твердом голубом переплете – Свод. На пьедестале слева стоял кубок. На правом – чаша с виноградом.

– Приветствуем новоприбывших в Зале Выбора, – голос эхом расходился под сводом потолка. – Я, преподобный Серафим, именем всех членов Храмового Совета, властью, данной мне Матерью, ее Дитем и Сводом, объявляю церемонию Посвящения открытой. Назовите нам свои имена.

– Ученик Моран, – отозвался первый монах.

«Ублюдок и здесь хочет быть первым. Мало на ристалище я его хлестал палкой».

– Ученик Белфард, – в голосе чувствовать раздражение.

– Моран и Белфард, за вас мне скажут ваши наставники, – преподобный Серафим взглянул на учителей. – Калавий, Вар, ответьте Совету, достойно ли ваши ученики прошли обучение и готовы ли стать на Путь?

– Достойно, преподобный, – ответил Вар.

– Достойно, – повторил Калавий, покосившись на Морана.

«Лукавишь, старик. У Вара, ясное дело, ко мне претензий нет, к битвам он меня подготовил достойно. Но вот твоя философия, капеллан, мне не всегда приходилась по вкусу. Вместо нее я ощущал вкус крови во рту, когда ты подкреплял свое слово более крепким аргументом».

– Что ж, тогда я не вижу повода откладывать церемонию. – продолжил Серафим. – Как вы знаете, наша Мать и ее Дитя принесли великую жертву, чтобы наш Орден продолжил свое существование. Они давно отомщены, но это не значит, что мы должны предать забвению Путь, который нам указала Мать. Перед вами два предмета: кубок с вином – символ крови Матери, пролитой за нас, и блюдо с пищей – символом плоти, отданной за нас. Свод, что рядом с ними, и Храмовый Совет будут свидетелями вашего Выбора. Вкусите то, что требует ваша душа и Выбор будет сделан. Каждый из вас покинет этот зал преторием или инквизиторием и поступит на службу досточтимых людей, что рядом с вами. Их слава, подвиги и жертвы послужат для вас надежным щитом и опорой.

«И что бы мы не выбрали, нас рано или поздно либо сожрут, либо выпустят всю кровь. И тогда мы тоже станем маленькими мучениками в ваших жизнеописаниях».

Только сейчас Белфард заметил, что Бомо держал за спиной небольшой мешок, затянутый золоченой веревкой. Он аккуратно извлек из него два золотых венца. Они были выполнены в виде дубовых ветвей, из которых выступали олени рога. Рога были украшены вставками из опалов, а дубовые листья были пронизаны янтарными прожилками.

Бомо раздал короны Вару и Калавию. Вар повернулся к Морану и водрузил венец ему на голову. То же самое проделал с головой Белфарда и Калавий.

Венец был тяжелым и неудобным. Он вонзался в лоб и виски, и, казалось, что в любой момент может свалиться с головы. Однако этого не происходило. Он был очень хорошо сбалансирован. Корона казалась Белфарду нелепой. Он едва сдержал улыбку, видя, как из головы Морана вдруг выросли сверкающие отростки. Но вовремя сдержался, понимая, что точно такие же рога сейчас торчали и из его головы.

– Первым выбирать пойдет ученик Моран! – объявил преподобный. – Кровью или Плотью!

– Кровью или Плотью! – эхом раздалось многоголосие присутствующих людей. Оно едва не оглушило Белфарда.

«Кто бы, мать его, сомневался. Он, наверное, сейчас восторженно обмочит штаны от того, что станет храмовником на минуту раньше меня».

Моран прошел через весь зал, осторожно взял Свод и, осенив его поцелуем, положил на место. Обойдя пьедестал, он встал перед двумя другими. Буквально на секунду он повернулся и одарил Белфарда ухмылкой.

Внутри Белфарда все закипело. «Выбирай осторожно, ублюдок, ведь то, что выберешь ты, выберу и я. И когда мы окажемся с тобой наедине, я случайно поставлю тебе подножку, и ты сломаешь свой хрупкий никчемный хребет».

К удивлению Белфарда, капеллан тоже заерзал на месте. На его лице отражалась плохо скрываемая злость.

«Это что-то интересное. Похоже, старина Мори имеет на одного врага больше, чем он думает».

Моран простоял секунд с десять, а потом двинулся к чаше с вином. Набрав побольше воздуха, он опрокинул ее одним залпом.

«Глотка ему оказалось мало. Не хочет, чтобы я испил из той же чаши. Но мне теперь не нужно мучиться с Выбором. Ты сделал его за меня. И существенно облегчил его. В походах будет намного проще отдать тебя на корм стервятникам. Говорят, они сейчас такие голодные, что сожрут даже такой кусок дерьма, как ты».

– Моран сделал свой Выбор! – с торжеством в голосе провозгласил Серфаим. – Теперь он – храмовник и инквизиторий. Встань же рука об руку со своим капелланом, дабы он вручил тебе инструмент Очищения. Теперь ты брат Ордена и будет вершить Очищение там, куда тебя направит Превосходительство и Храмовый Совет.

– Я служу Матери и делу Ордена, – отозвался Моран.

Он пересек зал в обратном направлении. Его шаг изменился. Неуверенной походки, которая сопровождала его во время начала его Посвящения, словно и не бывало. Сейчас Моран шел уверенно. Его шаг, сопровождаемый бряцаньем доспеха, устрасал и вызывал трепет. Храмовник завершил Путь, и теперь ноги крепко держали его на земле.

Моран протянул пустые ножны Калавию. Калавий молниеносно выхватил из своих лезвие клинка и вложил его в ножны Морана.

«Это не тот меч, что стоял у меня прошлой ночью в келье. Тот клинок был длиннее и проще. И от него несло смертью. Этот же выковали совсем недавно, и он еще не распробовал вкус крови».

– Очередь Белфарда! – преподобный указал на пьедесталы. – Сделай и ты свой Выбор. Помни, что Совет и сама Матерь сейчас смотрят на тебя, а Свод будет свидетельством его законности. Оставь свои грехи в прошлой жизни и прими Посвящение. Выбирай, во имя Крови и Пло...

– Сегодня этому монаху не придется делать Выбор, – донеслось до слуха присутствующих. – За него его сделала сама Матерь.

Из полутьмы зала, с невысокого балкона выступила фигура Превосходительства. Огромная и бесформенная. Ремни, что держали латы на его широкой груди, казалось, молили о пощаде и грозили в любом момент лопнуть, как истончившийся натянутый канат.

Однако в нем угадывались и признаки когда-то великого воина. Взгляд черных глаз был суров и неприступен. Белфард всегда думал, что при желании Его Святейшество может заставить признаться в ереси даже невинного, лишь бы тот отвел этот взгляд. Лицо и руки были испещрены шрамами, а на левой руке отсутствовали два пальца. На поясе не было меча, однако за спиной висела исполинских размеров стальная секира.

Преподобный Серафим поднял голову, и, прищурившись, посмотрел в сторону балкона.

– При всем уважении, Его Святейшество не может нарушать церемонию, – удивленным голосом сказал преподобный. – Выбор всегда делает сам ученик, и никто не в праве выбирать за него.

– Все верно, преподобный, и я не посмел бы нарушать наши обычаи, если бы для этого не было веского повода, – ответил Превосходительство. – Но у меня есть то, что заставит всех присутствующих в этот раз изменить традициям.

– И что же это? – недоуменно спросил преподобный Серафим.

– Послание Матери, – с благоговением произнес Его Святейшество. – Ее Пророчество, которое я хранил три столетия. Последнее Пророчество.

По залу прошел возбужденный ропот. Преподобный Серафим поворачивал голову то вправо, то влево, в поисках поддержки и объяснений со стороны других членов Храмового Совета. Однако там он их не находил. Касий нахмурил брови и не моргая смотрел в сторону Превосходительства. Рука Матвея застыла в вопрошающем жесте, а Иона нервно постукивал себя ладонью по бедру, приняв выжидательную позу.

– Почему ни мне, ни остальным членам Совета ничего не известно об этом Пророчестве? – с недовольством спросил Серафим. – Все предсказания матери хранятся в библиотеке, и ни в одном из них не говорится о Посвящении в храмовники.

– Вам ничего неизвестно об этом Пророчестве только потому, что вам не нужно было о нем знать, – резко ответил Превосходительство. – Это Последнее Пророчество, и она поделилась им со мной тогда, когда наши когорты исчезали под наплывом орд безжалостных варваров. Матерь прочла мне Пророчество, а затем запечатала в этот конверт и велела никому о нем не рассказывать до сегодняшнего дня.

Он вытянул беспалую руку вперед. Она держала небольшой пожелтевший конверт. Белфард увидел, что на конверте есть надписи, но какие именно, разглядеть было невозможно. Конверт был скреплен печатью Матери – голубой розой.

На мгновение Превосходительство исчез, но через минуты он уже стоял позади членов Храмового Совета, войдя через потайную дверь.

«Просто удивительно, как этот боров смог так лихо сюда спуститься. Он даже не запыхался».

Превосходительство протянул конверт Серафиму. Тот с трепетом взял его и продемонстрировал другим членам Совета. Те сошли со своих мест и сбились в кучу вокруг него.

– Я также должен предупредить вас, – добавил Его Святейшество. – Что Матерь строго запретила вскрывать конверт всем, кроме того, о ком в нем идет речь.

– Что это значит? – воскликнул Матвей.

– Это значит, что Матерь, Пути которой мы поклялись служить, изъявила свое последнее желание, которое я с готовностью и смирением выполняю, – холодно отозвался Превосходительство. – Быть может, кто-то из присутствующих считает, что мои слова не являются правдой? Быть может, кто-то из вас считает, что в такой важный для наших будущих братьев день, я решил посмеяться над вами и выставить себя дураком?

Ответом была гробовая тишина.

«Его бояться, и есть за что».

– Что там написано? – спросил Касий.

– Не могу сказать, – ответил Превосходительство.

– Почему именно сегодня? – Иона буквально подсакивал на месте.

– На нем есть имя, – отрезал Его Святейшество. – Остальное понятно и так.

Совет был недоволен. До Белфарда и остальных доносились обрывки фраз и шепот преподобных.

– Без сомнения, это почерк Лиллит...

– Что это значит?..

– Почему он три века молчал, а теперь спокойно об этом заявляет. Кто как не мы достойны были знать об этом...

– Это позор. Он выставил нас незнающими вчерашний день глупцами!..

Превосходительство стоял в стороне, сложив руки на груди. Его взгляд все также внушал необъяснимую тревогу. Конечно же, он прекрасно слышал не самые лестные слова в свой адрес, но не подавал абсолютно никакого вида. Он производил впечатление человека, которому совершенно безразлично то, что происходит в паре метров от него.

Белфард ерзал на месте. Ему это не нравилось. Его мутило, и он не понимал, почему все еще находится здесь, а на скачет куда-нибудь на Золотце убивать еретиков во славу Матери. Моран не отрывал от него своих глаз. В них читалось удивление, страх и неприязнь. Все явно шло не по тому сценарию, который он представлял себе еще утром.

«Причем здесь треклятые Пророчества Матери и я? Я родился, как мне сказали, намного позже ее смерти и едва ли она представляла меня одним из своих пылающих мечей Очищения. Я читал другие ее Пророчества – в них одни намеки, недомолвки и ничего конкретного».

Действительно, за время своей жизни Матерь записала множество Пророчеств. Она предсказала свою смерть и смерть Дитя, восхождение Голодного Волка на трон язычников, Ночь Адового Пламени, в котором погибли миллионы жителей Холли-Сити, и много другого, что и по сей день пытаются расшифровать члены Храмового Совета.

– Здесь написано два слова – имя Матери... и еще одно, – наконец произнес Серафим.

Все члены Совета разом устремили взгляд на Белфарда.

«Что за дерьмо? Этого не может быть. Должно быть это какая-то шутка или очередная гадость, подстроенная Мораном».

Среди всех, кто находился в тот день в Зале Выбора, спокойствие сохраняли лишь двое – Его Святейшество и капеллан Калавий.

Глава 4. Истина и ложь

Несмотря на то, что на дворе стоял полдень, окна в комнате были плотно завешены красными драповыми шторами. Дождь почти закончился, и было слышно, как об деревянные карнизы с глухим звуком ударяются редкие капли.

Источником света в комнате служило пламя свечей, в изобилии расположенных в настенных канделябрах, и огонь камина.

«Он сумасшедший – зажигать камин в августе», – подумал Белфард, входя в обитель Превосходительства. В его голове еще стояли возмущенные вопли Серафима, когда Его Святейшество под руку выводил его из Зала Выбора.

Покои Его Святейшества были заставлены различной мебелью разного калибра – стеклянными журнальными столиками, металлическими этажерками, деревянными и пластиковыми тумбами, пуфами и прочей утварью.

«Похоже в свободное время, отдыхая от своих превосходительских дел, он вешает на дверь своей комнаты табличку «Магазин Господина Его Святейшества и Партнеры – все от готовальни до спального ложа. При предъявлении купона действуют скидка».

Боковую стену слева полностью занимал огромных размеров книжный шкаф, набитый всевозможными томами, свитками и фолиантами. Белфард заметил в этой коллекции парочку вполне себе запрещенных Храмовым Советом книг.

Обитель была больше кельи Белфарда примерно в пять раз. Все вокруг было завалено пергаментом, старыми газетами и дневниками. Ни одна поверхность мебели не была свободна, равно как и поверхность серого мраморного пола, так, что груды всей этой бумаги образовывали лабиринт – тропы для Превосходительства и его гостей в этом беспорядочном хаосе. Белфард ожидал здесь увидеть пустые блюда из-под пирожных и куриных окороков, но никак не груды литературных трудов и древние письма.

Следом за Белфардом в комнату вошли Калавий и Превосходительство. Не смотря на всю свою грузность, на лице Его Святейшества не было и намек на испарину или одышку, несмотря на то, что они спустились на четыре лестничных пролета вниз. В который раз это удивило Белфарда.

Превосходительство указал на большой письменный стол из ольхи с косолапыми медными ножками. Все трое пробирались сквозь тонны различной макулатуры.

– Прошу, Белфард, присаживайся, – жестом пригласил Его Святейшество.

Белфард опустился в широкий стул с узкой мягкой спинкой. Только сейчас он заметил, что все еще вертит в руках рогатую корону, которую он не вернул одному из учителей, поскольку наречение в храмовники так и не состоялось. Она внезапно показалась ему очень знакомой. Белфард быстро бросил ее на стол, будто она была способна обжечь его руки.

– Ты голоден? Может быть воды? Или чего покрепче? – участливо обратился Превосходительство к Белфарду

– Что происходит и почему я здесь? – выпалил он в ответ.

– Всеу свое время, мой господин, – остудил его пыл глава Ордена. – Всеу свое время.

Калавий продолжал стоять, держась одной рукой за спинку стула, на котором сидел Белфард. Словно тот не хотел, чтобы Белфард смог сбежать. Он уловил переглядывания капеллана и Превосходительства, которые они пытались скрыть.

«Что эти двое задумали? Меня напрягает соседство с огнем и этими двоими. Как бы они не закинули мое тушку, как полено, в камин, если им не понравятся мои ответы на вопросы, которые обязательно последуют. Неужели Моран все-таки успел сделать какую-то гадость, из-за которой я сейчас здесь».

– Скажи мне, Белфард, что ты помнишь до того, как появился в этом замке? – начал Превосходительство.

– Ничего. Абсолютно, – честно ответил тот. – Меня нашел патруль преториев около восточного дозора, в одной одежде и без каких-либо документов.

– Ты помнишь этот момент? – с интересом спросил Превосходительство.

– Нет, об этом мне рассказали братья, – уверенно ответил Белфард. – Мое первое воспоминание здесь это лицо дока Хобла. Он определил, что я здоров, не имею мутаций, и что я обладатель гена бессмертия.

– Разумеется, – едва слышно произнес Его Святейшество.

– Что?

– Ничего. Продолжай.

– Продолжать особо нечего, – признался Белфард. – Меня переодели, подстригли, выдали одежду и отдали под опеку капеллана Калавия, которые первые два года меня иначе как дебилом не называл.

Превосходительство одарил Белфарда своим проницательным взглядом.

– Дерзить ни к чему, здесь сейчас все твои друзья, – его голос тем не менее отдавал угрозой. – Видишь вон ту стопку бумаг слева? Это доносы на тебя, половина из которых вышли из-под пера твоего друга Морана, с которым ты имел честь сегодня проходить обряд Посвящения.

– Да я скорее подружусь с милой семейкой людоедов из Пустошей, чем с этим вырожденком, – выпалил Белфард.

– Который отныне твой брат, спину которого ты будешь прикрывать, даря Очищение всем тем, кто вздумал посягнуть на наш Путь, – гневно отозвался Калавий. – Твои речи лишь подтверждают слова, вложенные в каждый из доносов.

– Не горячись, капеллан, – спокойно возразил Превосходительство. – Белфард, ты кое-кого мне напоминаешь. И это говорит лишь о том, что многие вещи все еще остаются на своих местах.

В камине что-то громко щелкнуло с яркой вспышкой, осветив Калавия. Он не мигая смотрел в глаза Белфарда.

«Почему он смотрит на меня с таким страхом и ненавистью?».

– Вы назвали меня братом Морана, – Белфарду с трудом удалось отвести взгляд от капеллана. – Однако я не сделал Выбор, а значит не имею права, чтобы ко мне так обращались.

– Ты имеешь здесь больше прав, чем любой из храмовников в Обители, – с нажимом произнес Превосходительство. – Выбор за тебя сделала Мать, а посвящать сегодня тебя буду лично я. Но для начала мы все вместе должны уладить некоторые неразрешенные дела. Сейчас ты будешь отвечать на мои вопросы и вопросы капеллана. И я прошу отвечать тебя точно и правдиво, чтобы мы затем поскорее смогли ответить уже на твои вопросы, коих, я думаю, за сегодняшнее утро накопилось не мало.

Превосходительство, как бы случайно, провел пальцем по стальной рукояти секиры, которую он перед этим вальяжно уложил перед собой на столе.

«А если мои ответы тебя не устроят, ты отрубишь мне башку, а тело скормишь самой злобной суке в псарне – так ты хотел закончить свою фразу».

– Итак, начнем по порядку, – продолжал Превосходительство. – в тот день, когда тебя нашли, Бомо вместе со своим капитаном направлялись в Восточный Дозор. Бомо явился ко мне с докладом и сообщил о находке. Поначалу капитан Вар хотел тебя прогнать или убить, но Бомо его остановил. Что-то в твоём взгляде, как он сказал мне во время доклада, заставило его погрузить тебя на лошадь и отправить в Обитель. Ты был в бреду, и как сказал Бомо, «молот какую-то околесицу о праве крови и днях возвращения».

– Как я уже сказал, я не помню...

– Просто слушай, – отрезал Его Святейшество. – Для Бомо эти слова были пустым звуком, но для нас с Калавием они были громом среди ясного неба. Мы их уже слышали, и они же написаны здесь.

Превосходительство слегка привстал и извлек из внутреннего кармана то самое письмо с Последним Пророчеством, которое Белфард видел сегодня утром издалека. Сейчас оно лежало на столе, и Белфард мог свободно прочитать буквы, что были выведены на конверте красивым размашистым почерком.

Он опустил свой взгляд на этот прямоугольник бумаги, и в тот самый момент мир ушел из-под его ног. Его словно подхватило течение реки, и, швыряя о камни, понесло на встречу бурлящему водопаду. Слова, что были написаны в правом верхнем углу, отныне и навсегда определяли судьбу Белфарда:

*Для Белфарда,
С воззванием.
Лилит*

– Я не...

– И мы не, – с улыбкой перебил его Превосходительство. – Триста лет назад я не знал никакого Белфарда, ты понимаешь?

Капеллан Калавий, до этого не произнесший ни одного слова, нарушил молчание.

– Этим именем ты назвался преториям, что нашли тебя, прежде чем ты отключился.

– Преподобный Серафим сказал, что на конверте значится два имени, – вспомнил Белфард. – Одно, как теперь я выяснил мое, а второе, получается...

Превосходительство тяжело вздохнул.

– Да, настоящее имя Матери. Так ее звали, так ее называли ее приближенные. Так называли ее я и Калавий. Теперь этого имени уже нет, остался только Истинный Путь. Как нет теперь и моего прежнего имени. А сейчас оставь вопросы. Как я уже сказал, ты сможешь задать их позднее.

Его Святейшество протянул Белфарду небольшой нож для бумаг.

– Вскрой его и прочти, – тон голоса Превосходительства звучал возбужденно. – Мы с Калавием уже знаем, что там сказано.

Нож показался Белфарду тяжелым и неудобным, хотя на самом деле весил не больше шариковой ручки. В нос ударил едкий запах табачного дыма, постепенно обволакивающего комнату.

«Я не хочу знать, о чем там идет речь. Чтобы там ни было, оно не сулит ничего хорошего. А эта вонь из трубки старика делает только хуже – как тут мать твою сосредоточиться?!».

Тем не менее, под тяжелым взглядом черных глаз Его Святейшества Белфард подчинился приказу. Он сломал печать в виде розы и провел ножом вдоль верхней части конверта, стараясь не повредить содержимое.

Внутри лежал тонкий лист бумаги нежно-голубого цвет, сложенный вдвое. Белфард развернул его и начал читать про себя:

*По праву крови, где убиты были
Дитя и Мать, и соль там ориентир,
Песок багровый, где тела остыли,
И берег, где свершился адский пир.
Найдешь ты камень с черною звездой
И Кровью его Первых окропишь,
Дитя и Мать, чьи кости под землею,*

Ты к жизни из забвенья возвратишь.

Белфард трижды прочитал это послание. Послание для него. И эти строки для него ничего не значили. Он не понял ни единого слова.

«Эти чертовы пророчества всегда обо всем и ни о чем. Право крови. Соль. Черная звезда. Камень и кровь первых. Это какая-то несуразица. И я что, должен воскресить мертвых? Такому в Обители не учат. По всей видимости, перед смертью Мать рехнулась и несла полный бред, не иначе».

Превосходительство и Калавий с надеждой и в тоже время со страхом на лицах смотрели на Белфарда.

«Сейчас я достану из задницы кролика, и публика поблагодарит меня за фокус! Они что, правда думают, что я хоть что-то понял из того, что написала Лиллит, и сейчас проясню их озадаченные головы? И чего они так боятся?»

– Что ты скажешь об этом? – наконец спросил Превосходительство.

– Скажу – ничего, – на лице Белфарда отражались раздражение и недоумение. – Я не понял ничего из того, что здесь написано.

– Любопытно, – только и сказал Превосходительство.

– Я бы сказал иначе, – язвительно ответил Белфард.

Калавий положил руку на плечо Белфарда и с загадочным тоном спросил:

– Скажи, тебя когда-нибудь посещали странные сны? Знамена с черным солнцем, озеро, женщина с черными волосами и татуировкой? Отвечай честно, я знаю, когда ты мне лжешь.

Белфард глубоко задумался. С тех самых пор, как он очутился в стенах Обители, его постоянно донимали кошмары, которые он затем не мог вспомнить. От них не помогали избавиться ни медитации, ни усталость после тренировок, ни микстуры дока Хобла.

«Что же там было?..».

Он всегда отчетливо помнил звон мечей, звуки пальбы и треск горящих поленьев в костре. Но что же он там *видел?*»

– Мне часто снятся сны о местах, где я никогда не был, – с усилием произнес Белфард. – Но я никогда не мог вспомнить деталей, после того как проснусь. Только звуки далекий сражений и волчий вой.

Калавий и Его Святейшество с облегчением посмотрели друг на друга.

– Это какой-то полнейший бред, – продолжил Белфард. – Причем здесь волчий вой?

Калавий вытряхивал трубку в камин. Он остановился в полудвижении и посмотрел на Белфарда горящими глазами, полными подозрения, а затем обратился к Превосходительству

– Голодный Волк, – коротко сказал он.

– Похоже на то, – ответил Превосходительство.

Белфард с искренним недоумением посмотрел на этих двоих, как на душевнобольных.

– Голодный Волк из одного из Пророчеств Матери? – он едва не засмеялся. – Злобный варвар, ублюдок с Геном Ассов, который сидит на троне из костей и черепов и якобы правит где-то там, далеко на востоке Пустошей? Это байка, которую любят рассказывать друг другу ученики вместо страшилок. Никто из ныне живущих никогда не видел этого Волка и его орд любителей человечины.

– Практически никто из ныне живущих, – сказал Калавий. – Это создание, эта тварь из глубин ада, прикидывавшаяся человеком, хотя у него больше общего со зверем, разбил четыре наших когорты и гвардию Матери. Мы потеряли все наши знамена и большую часть воинов. Легион практически перестал существовать. Орден по сей день не может оправиться от этого поражения. Это Голодный Волк пленил и убил Мать и ее Дитя.

– Но почему этого нет в Своде и ни в одном другом из священных писаний? – удивился Белфард. – Свод говорит, что Матерь и Дитя были отомщены. Еретики перебиты или преданы огню все, а их остатки забились в норы глубоко на востоке Пустошей.

– Отомщены? – ответил Калавий. – Где же тогда гарнизоны на востоке? Мы едва успели уйти за наши стены. Да если бы Волк пожелал нас преследовать, не было бы сейчас никакого Ордена и Обители. Но Матерь была права, ее жертва остановила этого безумного еретика. Их были тысячи, а нас в конце похода едва набиралось семь сотен. Да этого все битвы происходили легко. Храмовники были прекрасно обучены и не боялись погибнуть в бою. Но кто совладеет с такой чудовищной бурей? Волк объединил всех еретиков вплоть до самого побережья. Два года мы метались, гася очаги сопротивления в бесконечных битвах, но они каждый раз вспыхивали в новом месте. Приходилось отступать все дальше и дальше на запад под этим давлением. А в последнем сражении варвары хлынули все разом. Мы уложили их тысячи три, а они продолжали прибывать...

– Ты не понимаешь, что грозило бы нашему миру, расскажи мы правду, – Превосходительство воздел руки к небу. – Что мы должны были сказать крестьянам в Обитаемых Землях? Что нас разбили варвары и в любой момент могут нагрянуть к нашим воротам? Что бы мы сказали нашим сателлитам и их лордам, чьи земли объединены вокруг Храмовых Земель? Что мы не способны дать им защиту, которую они от нас ждали и которую мы им слепо обещали? Что мы спустя каких-то восемьдесят лет после основания Храмовых Земель терпим бедствие? Путь должен быть незыблем для них. Наши убеждения должны быть для них единственно верными. Началась бы паника, голод и смерть. Мы низвергли бы все в темные века, подавляя восстания, и тогда бы Голодный Волк окончательно победил, даже не начав новое наступление. Возможно, если бы Матерь и Дитя остались с нами, мы поступили бы иначе. Но у нас не было такого авторитета среди людей. Мы были орудиями Матери, а не голосом Пути, с помощью которого можно заглянуть в будущее. Мы поступили иначе – взяли Свод и дополнили его новыми главами, где рассказали о нашем славном, но горьком походе, где мы проиграли, но, собравшись с духом, скорбящие по Матери и ее Дитю, нанесли новый удар и разбили иных и еретиков. А затем ушли, ибо в этих землях нет ничего, кроме песка и смерти. Это истина для всех вот уже полтора века. И мы не потратили эти годы в пустую. Мы возводили новые, более крепкие и надежные стены и укрепления, обучали новобранцев в ряды храмовников, искали новых союзников на западе и севере и обращали их в свою веру, а тех, кто отказывался, истребляли, потому что знали, что рано или поздно они станут союзниками Волка из страха или жажды легкого богатства и абсолютной, порочной свободы. Но самое главное – мы ждали тебя, потому что Пророчество давало нам надежду на возвращение Матери. Представь, как воспрянет наш легион, если в битву их поведет она! Они пойдут за голубой розой хоть в самую Преисподнюю. Каждый день я зажигаю в камине огонь Очищения и молюсь, чтобы этот день настал.

– Есть еще кое-что, что беспокоит нас, – Калавий наконец опустил на соседний стул рядом с Белфардом. – Ген бессмертия... Как оказалось, не во всех он так чист, как мы думали. Да, он все еще дает его носителю долгую жизнь, но в последние десятилетия у некоторых начались... «изменения».

– Посмотри на меня, – обратился к Белфарду Превосходительство. – Ты когда-нибудь замечал меня за чрезмерностью в употреблении пищи? Разве похожа моя комната на покой чревоугодника? Несколько десятков лет назад я начал меняться. Эти мутации необратимы. Я прочитал все книги, какие были мне доступны. Все знания мира, что еще чудом сохранились, не дают ответ на вопрос, что со мной происходит и как от этого избавиться. Если мои прогнозы верны, то осталось мне совсем недолго.

И как только меня не станет, Храмовый Совет уже некому будет сдерживать.

Голос Превосходительства нарастал. Он хотел сказать что-то еще, но осекся в последний момент, взглянув на Калавия. Он продолжил, но его тон стал невыразительным, словно он читает по бумажке.

– Они были отличными солдатами, но абсолютно не знают, как устроен этот мир. Они предадут огню всех и вся из страха, что их власть рухнет, а мир вокруг них захлебнется в крови. Совет не понимает эластичности этого мира, его гибкости и непостоянства. И поэтому нам нужен ты. Только ты можешь вернуть Матерь и ее Дитя и остановить смуту, что витает у нас над головами.

Несколько минут Белфард молчал, переваривая то, что он только что услышал. Он заметил, что Калавий нервно поглаживает свою бороду. Обычно капеллан делал так, когда уличал Белфарда во лжи. Но сейчас он рассказал все как есть, не скрывая ни единого факта. В который раз происходящее показалось ему странным.

«Что-то здесь нечисто. Они мне что-то не договаривают. Это похоже на театр недосказанных слов и сбивающей с толку полуправды. Но кто в нем зритель, а кто актер?».

Наконец он произнес то, что годами хотел сказать в лицо Калавию и Превосходительству:

– Все, чему меня тут учили – ложь, – сокрушенно сказал Белфард. – И я думаю, что она далеко не последняя.

Глава 5. Триумвират

Они не возразили ему. Капеллан не начал его бить, хотя все в его поведении говорило о желании это сделать, а Превосходительство не вынес сметный приговор. Но Белфард понимал, что если дело хотя бы наполовину обстоит так, как они говорят, то нужно действовать. Не важно, насколько плох Орден и какие интриги плетутся внутри него. Не важно, что они скрывают от Белфарда и какие слова из тех, что были сказаны, являются правдой. Если варвары хлынут на территорию Обитаемых Земель, начнется резня. И одними силами храмовников эту бурю не остановить. Вполне возможно, что лишь одна Матерь имеет план, ведь только она видит будущее. Она не могла просто погибнуть и обречь дело всей своей жизни на неминуемую гибель. Поэтому нужно действовать и действовать быстро. Он понятия не имел, как можно кого-то поднять из мертвых, но Пророчество Матери уже не вызвали у него такого скепсиса. Надежда – за нее эти двое хватались, и теперь Белфарду приходилось хвататься за ту же соломинку. Он посмотрел сначала на Его Святейшество, затем на Калавия и задал вопрос:

– Скольких коснулись эти изменения?

– Меня, всего Храмового Совета и примерно трети храмовников – у каждого своего изменения – физиологические и психические, – ответил Превосходительство.

– Кто еще знает о том, о чем мы сейчас говорили?

– Полностью – только мы трое, – с уверенностью ответил глава Ордена. – Частично в это посвящен док Хобл – он тайно проводил для меня тесты у всех, кто живет в замке. Кое-что известно Бомо, но опять же – поверхностно. И разумеется Храмовый Совет что-то подозревает и проводит свое расследование.

– Вы сказали, что Матерь сделала Выбор за меня, – с размышлениями в голове сказал Белфард. – Так каков он? Если я должен отправиться в поход, мне лучше стать инквизитором.

– Для тебя Матерь выбрала другое звание – особое. Я его протащил в Свод тогда же, когда мы его дополняли, – он указал на толстую книгу у себя на столе. – Совет не сможет этому препятствовать – ты станешь не просто инквизитором, а трибуном в его составе.

– Я читал об этом в Своде, но пока этот титул никому еще не присваивали. И в Пророчестве об этом ничего не сказано, – в словах Белфарда звучало сомнение.

– Эту часть она передала мне на словах, поскольку тут вопрос скорее юридический, нежели духовный, – деловито ответил Превосходительство. – Назначать на такую должность могу только я. Она не дает особой власти над Советом, но все же делает тебя выше остальных храмовников, а также дает беспрепятственный проход в любую часть Обитаемых Земель и за их переделы. Трибун – это консул, который может отправиться в любую часть света по воле Превосходительства. Сейчас самое важное – скрыть истинную цель твоего путешествия.

– Разве Храмовый Совет не желает возвращения Матери так же, как и вы? – спросил монах.

– Боюсь, мой друг, они мне не поверят. – ответил Его Святейшество пустым голосом. – Они сделают все, чтобы доказать, что я сфальсифицировал Пророчество и обвинят меня в ереси.

– Совет подвержен тем же мутациям, что и другие с дефектным Геном Ассов, – спешно добавил Калавий. – Боюсь, отсутствие здравого смысла в действиях преподобных связано с этим. Когда-то они были достаточно мудры и не смели сходить с Пути.

– У нас нет времени для организации пышной церемонии для тебя, – торопливым голосом сказал Превосходительство. – К тому же это даст повод Храмовому Совету воспрепятствовать моему решению. Поэтому капеллан Калавий будет единственным свидетелем. Прочие узнают о твоём Выборе уже тогда, когда ты покинешь стены Обители. Поэтому волей, данную мне Матерью и Дитем, я объявляю тебя трибуном-инквизитором. Прими титул и знак на свои

доспехи. Я распоряжусь, чтобы гравировку сделали сегодня же. А завтра утром ты отправишься в путь. Ночевать будешь не в своей келье. Никто не должен знать о том, кем ты теперь стал, до завтрашнего утра.

– Есть еще один маленький, но очень важный нюанс, – с сарказмом произнес Белфард. – Я ни хрена не понял, что написано в этом письме.

– Тут мы с Калавием способны кое-что прояснить, – кивнул Его Святейшество. – Наш поход был сосредоточен в восточной части Пустошей, но легион уже второй год постепенно отступал на запад. Мы вновь собрали силы в единый кулак и двинулись вперед. В начале все шло хорошо. Многие еретики пали в многочисленных стычках, но особого сопротивления не было. Сейчас я понимаю, что нас просто заманивали в ловушку, все дальше завлекая на восток. Наша армия растянулась вдоль узкого ущелья, когда по нам ударили сверху и в тыл. Мы с трудом пробившись из окружения назад. Гвардия Матери осталась прикрывать отступление на небольшом песчаном холме. Сзади нас прикрывали скалы. Левым флангом командовал Калавий, правым я, в центре была Матерь и ее Дитя – Лиллит и Розалий. Две ночи и два дня мы отбивали набеги варваров. Патроны для ружей и револьверов давно закончились, и приходилось сражаться только сталью. Было еще одно оружие, но от перегрева его ствол разорвало, похоронив при этом трех братьев из оружейного расчета. Затем на поле боя появился он – Голодный Волк – верхом на черном коне он ворвался на наши укрепления и смял наш левый фланг. Глаза этого еретика пылали огнем ненависти. Золотые доспехи были залиты кровью храмовников. Он разил своим клинком так, словно мы были для него травой, а он садовником, лениво косящим ее поутру и попивая холодный чай. Варвары под его командованием воспряли духом и забыли о страхе. Теперь они боялись только его, и я понимаю почему. «Убейте всех, кто стоит на пути. Мне нужна только она!» Его приказы разносились по полю боя. Мы слышали их и кровь стыла в жилах. Знамена с черной звездой затмевали горизонт. Они навалились всем, что у них было.

Остаться здесь дольше было нельзя. Когда в бою наступило короткое затишье, мы утравили взрыв и под прикрытием дыма и пыли отошли в низину. Мы изнывали от жажды и ран. Во время последнего приступа наших позиций меня ранили в левую руку, осколками взрыва бала иссечена вся грудь и лицо. Позже я понял, что на руке не хватает двух пальцев. У меня была лихорадка, и я едва стоял на ногах. Калавий был не многим лучше – он был несколько раз задет мечом, ранен в голову, а тело в нескольких местах было в ожогах.

Калавий заерзал. Ему не нравилось, что кто-то указал на его слабость и уязвимость. Он почему-то опять со злостью взглянул на Белфарда.

– К вечеру мы вышли к небольшому озеру, – продолжал Его Святейшество. – Мы обрадовались, но радость была не долгой – вода в озере оказалась соленой и зараженной. От нее шел достаточный фон, чтобы получить облучение. Нашу жажду она утолить не могла, ей нельзя было промыть раны. Мы ушли из этого проклятого места, и, как оказалось, прямо на встречу еретикам. Откуда у них были силы биться в этих условиях, я не представляю. Тогда Лиллит и приняла решение пожертвовать своей жизнью и жизнью Розалия. Я, конечно же, был против, как и Калавий. Нас осталось очень мало, но мы готовы были стоять насмерть. Однако мои слова не повлияли на ее решение. Она лишь сказала, что это еще не конец. Затем она позвала меня и Калавия в сторону, прочитала нам свое Последнее Пророчество, добавив, что ни одна душа больше не должна узнать об этом до появления «того, в чьих жилах течет Кровь Первых».

– Кровь Первых – что это значит? – спросил Белфард.

– Так мы называли кровь Матери и Дитя, – ответил Превосходительство. – Водой с каплей такой крови мы освящали покоренные земли, помазанники этой кровью – все лорды Обитаемых Земель. Это кровь видящих то, что скрыто для остальных – события прошлого и будущего.

Белфард краем глаза увидел, как капеллан как-то странно провел пальцами по губам, но не придал этому значения и задал следующий вопрос.

– Она осталась у вас?

– Нет, – с грустью ответил Калавий. – Последние запасы давно исчерпаны.

– Где же мне тогда ее взять?! – воскликнул Белфард.

– Мы не знаем, – холодно ответил капеллан.

Превосходительство утвердительно кивнул, подтвердив слова Калавия.

– Чудесная новость, – с иронией заметил монах. – ...*И соль там ориентир*... Имеется в виду это соленое озеро?

– Без сомнения, – ответил Его Святейшество. – Мы так же пришли к этому выводу, – ответил на вопрос Калавий.

– Но откуда вы знаете, что Лиллит и Розалий погибли где-то там, – с интересом спросил Белфард.

– Мы оставили их неподалеку, когда ушли, – с печальным тоном ответил Превосходительство. – Ее и Розалия. Удивительно то, что она знала, что произойдет, но отказалась уходить, когда такая возможность была. Командовать легионом мог любой из нас. Но Лиллит всегда говорила, что ее Пророчества неизбежны, и это распространяется на любого, в том числе и на нее. Она даже не попыталась изменить будущее. Я и Калавий приняли такое ее решение.

Белфард заметил, как Калавий злобно сжал кулак на рукояти своего меча и слегка приуныл со стула. Через мгновение он уже снова принял свой невозмутимый вид.

– То есть зная свою судьбу, она не пожелала что-то исправить? Но это же глупо! – от удивления Белфард едва не снес несколько стопок бумаг со стола Превосходительства.

– Поосторожней со словами, – предостерег его Превосходительство. – Непонимание трудных вещей не дает тебя права думать, что они глупые. И, пожалуйста, поосторожнее. Я систематизирую свой архив, чтобы не оставить его тому, кто меня сменит, в беспорядке, – недовольно пробурчал Превосходительство.

– Хорошо, – в голове Белфарда постепенно начала складываться картина событий. – Вы оставили Матерь и Дитя там. Но почему вы уверены, что еретики не увели их куда-то еще, а в Пророчестве говорится о похожем месте?

Рот Калавия растянулся в жестокой улыбке. Так улыбается маньяк, перед тем как истерзать свою жертву.

– Потому что я умею спрашивать, – Калавий сделал вид, что непринужденно смахивает что-то с ладони. – Пару недель спустя, возвращаясь в Обитель, мы поймали лазутчика – одного из тех варваров, что принимал участие в битве. И он поведал мне, что случилось с Лиллит и Розалием. Тогда мы и узнали их окончательную судьбу. Эта тварь сначала была счастлива рассказать нам об этом. Но когда я начал задавать другие вопросы, его счастье сразу куда-то испарилось. Поверь мне, это то место.

«В этом, Калавий, я не сомневаюсь. Мои пальцы еще долго заживали во время Страстности. А говорить пришлось учиться заново. То, что ты делал ниже пояса, вообще лучше не вспоминать».

– Итак, мы знаем, что тебе нужно двинуться в Пустоши на востоке и пройти к соляному озеру, – быстро начал говорить Его Святейшество. – Камней там было много, но думаю не на всех будет отметина Голодного Волка. Дорога займет примерно шесть месяцев, если двигаться верхом.

– Как мне найти нужное место? Я был лишь на границе с Пустошами и так далеко никогда не забирался.

– Путь укажет Калавий. Он пойдет вместе с тобой, – глава Ордена указал рукой на капеллана.

«Какая чудесная и незабываемая перспектива – полгода находиться в дороге с человеком, который на протяжении шестидесяти лет имел своей задачей портить тебе жизнь. А его высокопарные нравоучения, должно быть, будут убаюкивать меня не хуже любой колыбельной песенки. Может они все же отрубят мне башку, и я спокойно встречу Матерь в Благоденствии?»

Благоденствие – рай для храмовников и всех тех, кто разделяет Путь – заслуживали за непоколебимость в следовании законам Свода и отвагу на Пути Очищения. Однако Белфард всегда знал, что если таковой и имеется, то Матерь точно не разделит с ним свои объятия. Он всегда был занозой в заднице учителей и редко обременял себя молитвами.

Тем временем Превосходительство продолжал:

– Кроме того, в вашем отряде будут еще двое. Оруженосец командующего Вара Бомо – ему я уже подобрал замену. Он храбрый воин и верный храмовник. К тому же, тот факт, что он увидел в тебе что-то необычное, не кажется мне случайным. Второй человек – Док Хобл, поскольку в пути вас может ждать множество опасностей, и услуги лекаря вам точно не помешают. Кроме того, он прекрасно владеет оружием. Дока в Обители подменит его ассистент.

– Зачем нам столько людей? – спросил новоиспеченный трибун. – И разве Храмовый Совет, Вар и Аргус не будут против, что я заберу с собой из замка лучших храмовников?

– Ты вправе выбирать любого, – ответил Превосходительство. – Такова привилегия трибуна. Это право не может оспорить даже Храмовый Совет. Если, конечно, кто-нибудь из преподающих не желает отправиться на костер. Я лишь даю тебе совет, с кем тебе лучше пойти. В Обители у нас не так много союзников, а люди, которых я тебе предложил – верны Ордену и посвящены в некоторые детали. Они уже готовы покинуть эти стены и отправиться с тобой. Но на конечном этапе путешествия ты и Калавий должны будете отправить их назад – как я уже сказал, наши истинные цели должны остаться в тайне.

Калавий коротко и с раздражением кивнул. Его начинал утомлять затянувшийся разговор. Раздался звон колокола, призывавшего монахов и храмовников в трапезную. Это значило, что на часах два часа после полудня.

– Командовать отрядом буду я? – Белфарду была приятна мысль, что полюса меняются, и теперь он будет указывать Калавию, когда можно спать, а когда ходить в кусты.

– Формально – да, – кивнул Превосходительство. – Но я очень настаиваю слушать советы капеллана Калавия. И рекомендую не сильно-то его злить. Наш друг бывает... Непримируем с некоторыми вещами.

«Последний раз, когда наш друг был непримируем, он в поселении на границе Обитаемых Земель зарубил шестнадцать человек, а еще двоим всадил пулю в спину, когда те начали в ужасе убегать, лишь за то, что они отказались ходить в деревенский храм Матери».

Калавий с холодом смотрел на Белфарда. Его взгляд, наполненный неотвратимостью в Пути Очищения, воплощал в себе всю суть Выбора Крови. Он был истинным инквизитором, до которого капитану Аргусу было очень далеко. Белфарду пришла в голову мысль, что не просто Калавий до сих пор простой капеллан, а не командующий когортами легиона храмовников, естественно помимо очевидного факта натянутых отношений с Его Святейшеством. Ему нравилась жестокость. Чувство власти над своей жертвой. Такие чувства люди всегда испытывают в одиночестве. Они оберегают их от остальных, поскольку по своей природе не хотят делиться с другими. А кому хочется показывать свой истинный облик на глазах у тысяч солдат, следящих за каждым твоим поступком? Нет, Белфарду конечно доводилось видеть, как капеллан командует людьми, и командует хорошо, воспламеняя в их сердцах отвагу. Но убийство... Убийство он всегда оставлял только для себя. Это был для Калавия личный, интимный момент.

Ощущал Белфард и другой холод – он исходил от ледяной стены между Превосходительством и Калавием. Не смотря на общность их планов, что-то в их отношениях, в манере обращения друг к другу, в том, как Калавий реагирует на некоторые слова Его Святейшества, говорило о неприязни друг другу. А может и о чем-то большем.

«Они говорят о расколе Ордена, но при этом сами готовы вгрызться друг другу в глотки. Оставь я их сейчас здесь на пару минут, и я услышу из-за двери лязг поцелуев меча и секиры».

– Решено! – торжественно воскликнул глава Ордена. – Сегодня мы втроем определили судьбу похода. Результат сегодняшнего триумvirата определит судьбу всего мира. Бойся обмана и искушения, Белфард. Приграничные части Пустоши, в которых ты проходил обучение, по сути своей относительно безопасны. Мы гасим там очаги сопротивления и не более того. Реальной угрозы в них давно нет. Но земли, где тебе предстоит побывать, отравлены отголосками старого мира. Машины, чьи искореженные останки напоминают нам, как слеп был человек, полагаясь не на свою волю, а отдавался только бесполезным страстям. Они дарили людям свободное время, и они же его забирали. Мертвые башни из стекла и метала, в которых люди продавали свои жизни в обмен на благополучие и покой. Книги, в которых нет ни слова правды, о людях и событиях, которых никогда не было. Люди полагались на написанное и в итоге шагнули в бездну.

Превосходительство встал, пересек комнату по одной из мраморных «тропинок» и оказался рядом с книжным шкафом. Он извлек оттуда книгу в черном перелете – небольшую, размером чуть больше ладони, но при этом довольно объемную.

Он развернул книгу так, чтобы Белфард и Калавий увидели название – «Вечный Завет. Евангелие от Сетрея».

Белфарду почудилось, что за соседним стулом зашипела змея. Но эти звуки каким-то образом умудрялся издавать капеллан. Он словно потемнел. Его глаза сверкали недобрым огнем, дыхание сильно участилось, а на скулах забегали желваки.

– Эта книга... – тихо начал говорить Превосходительство, с каждой фразой увеличивая громкость голоса, – Эта книга – один из самых опаснейших ядов на земле. Энергия, что исходит от нее, в тысячи раз опаснее любого излучения радиации. Ради этой книги люди забивали друг друга как скот тысячелетиями. Она похожа на наши священные писания. Но писали ее не святые, а сам Дьявол. В ней одни домыслы, грязь и смерть. Она проникала в умы людей, заставляя думать, что они делают праведные вещи. Но в итоге эта книга делала их алчными и недалекими, она убеждала их в том, что прочитавший ее стал чем-то особенным, но лишь становился еще одной головой в стаде безропотных овец. Эта книга про Бога, но в ней нет и слова правды о нем. Ее писали такие же политики, ученые и богачи своего времени, которые в наше время этот мир и уничтожили. На основе этой книги было написано множество прочих, будто ее одной было мало.словно вирус, размножающийся и мутирующий, она постепенно покрывала весь мир и носителем этого вируса становился каждый. Путь Очищения – вот что нужно человечеству. И сегодня я покажу тебе на этом простом примере, как Очищение должно работать.

Он схватил книгу за переплет и швырнул ее в камин. Сухая и старая, она в мгновение вспыхнула.

Наступила долгая тишина. Превосходительство вернулся в свой стул. Он смотрел на руки, которыми только что совершил возмездие, но думал, казалось, о чем-то своем – далеком и известном только его душе. На лице Калавия читалось умиротворение. Он с удовольствием наблюдал, как пламя пожирало, коржило страницы древней книги, превращая ее в хрупкие почерневшие останки. Белфард наблюдал за ними двумя и думал, что он находится в цирке с сумасшедшими клоунами, где один старик театрально сжигает книги, а второй восхищенно на это смотрит и аплодирует.

Наконец Белфард решился заговорить. Ему было важно сказать то, что он сейчас хочет сказать. Сердца Белфарда бешено колотилось.

– Еще кое-что, Превосходительство.

Белфард гонял в голове эту мысль с той самой минуты, как узнал, что скоро ему придется покинуть Обитель.

– Я хочу увидеть Виви...

Глава 6. Виви

Август проливал свои серые слезы уже три дня. Мокрая от дождя трава чавкала под кованными подошвами сапог. Белфард шел мимо псарни в сторону конюшен. Там должны были ждать его спутники.

Собаки, как обычно, злобно рвались из своих клеток и надрывно лаяли. Они никогда не любили Белфарда. Эта нелюбовь была взаимна. Больше всего его ненавидела огромная сука по кличке Генриетта – помесь лайки и овчарки. В отличие от остальной свары, она провожала Белфарда молча, застыв в готовности стремительного прыжка, не сводя с него хищных бледно-голубых глаз.

В конюшне пахло свежим сеном и навозом. Этот запах умиротворял Белфарда. Здесь он проводил время, когда хотел успокоиться и привести в порядок свои мысли. Белфард любил лошадей. И они отвечали ему взаимностью. Обычно, слыша лязг доспехов, лошади начинали беспокойно ржать. Но запах Белфарда был им знаком и они, на секунду вскинув голову, продолжили жевать из яслей овес.

Он прошел вдоль загонов и отворил ворота последнего. Рыжая кобыла подняла на него свои глубокие карие глаза. Она радостно пофыркала и подставила Белфарду свою морду. Белфард поводит ладонью по жесткой щетине.

– Привет, Золотце, – ласково произнес он. – Если у меня и есть еще на свете вторая любовь, то это несомненно ты.

Золотце подергала головой и опустила голову. Белфард взял щетку и начал чистить конскую гриву. На душе было противно, словно эта слякоть во внутреннем дворе проникала в самое сердце.

«Зачем я уговорил Превосходительство встретиться с ней. Последнему глотку воды я бы сейчас предпочел изнурительную жажду».

Свод четко определял отношения храмовников и женщин, что посещали их в период Страстности. Храмовник мог иметь женой только ту девушку, что смогла зачать ребенка. Если же этого не происходило, то ученик отрекался от связей с женщинами и давал обет безбрачия. Участь девушки, что разделила ложе с будущим храмовником, была похожей. Она навсегда определялась в монахини, так как в ее сосуд уже было совершено вторжение. В Страстность мужчины возлегли только с девственницами.

На зачатие давалась только одна попытка, и на то была причина. Ген Ассов имел генетическое превосходство над другими генами. Но при этом в нем имелся изъян, что и обуславливало его редкость. Наличие гена у мужчины и женщины давало стопроцентную вероятность зачатия. Если этого не происходило сразу, то иметь детей такая пара не может, независимо от смены партнера. То есть ты обладал либо абсолютной плодовитостью, либо полным бесплодием. Таким образом, природа людей с геном Фокенау коррелировалась самостоятельно. Иначе бессмертные за пару десятилетий после Утраты заполнили бы собой весь материк.

В ту ночь, когда в келью Белфарда привели девушку в длиннополном халате – ее единственной одежде, под которой ничего более не было – он не думал, что когда-нибудь сможет полюбить. Он был циником и фаталистом, его заботил только сегодняшний день и вчерашние мысли.

Невысокая, но стройная, с широкими бедрами, волосами цвета спелого каштана и большими глазами, словно вырезанными из скорлупы кедрового ореха, она была хороша собой. Конечно же, девы из Храма Матери не всегда были такими красивыми. Обычно доставалось то, что доставалось. Но Белфарду повезло. Но только на одну ночь. А затем на смену везению пришло проклятье, вызывающее лишь воспоминания и глухую тоску.

«Лучше бы мне тогда привели Генриетту. Да хоть самого капеллана Калавия. То, что они мне подсунили, невыносимо».

Золотце ткнула своей мордой в лицо Белфарда. Она почувствовала его тоску. Он посмотрел в глаза лошади и ему стало еще хуже.

«Такие же выразительные и полные неподдельной доброты, как у нее».

Вивьена – так звали девушку, или как сам Белфард называл ее Виви – как ни странно, ответила ему взаимными чувствами. В них вспыхнул огонь, который суждено было погасить уже утром, так же спешно, как костер после ночного привала.

Тридцать шесть лет. Он не видел ее тридцать шесть лет. Но она по прежнему его любила. Он понял это сразу, как только увидел ее на рассвете. Нежная и легкая, она не была испорчена трудом и аскетизмом быта в Храме Матери. Перед ним стояла та же, источающая запах фруктов девушка, поджимавшая босые ноги на холодном полу кельи Белфарда. Их первая встреча была зимой, в канун Рождества Дитя, а последняя прошла под проливным августовским дождем.

Сегодня они встретились за стенами Обители, в Саду Слез. Не смотря на ливень, в сад проникали не все капли, а от огромного количества всеразличных цветов в нем было слегка душно. Пахло грушами и абрикосами. Виви ждала его под одним из деревьев у входа в сад. Даже черное одеяние монахини было неспособно скрыть ее красоту. Белфард представил ее обнаженной, и его бросило в жар.

Они медленно пошли на встречу друг к другу. Сначала не спешно, потом все быстрее. Так два фехтовальщика сходятся в поединке, выжить в котором суждено лишь одному из них. Страсть Белфарда и Виви была схожа со смертельным поединком. Они были готовы рвать друг на друге одежду, впиваться зубами в кожу и не оставить от партнера ничего, кроме воспоминаний и мыслей о том, что он больше никому и никогда не достанется.

Закончив свой смертельным танец, они лежали, приводя в порядок дыхание. Везде валялась одежда. Она была мокрой и грязной, как и они, но им было все равно. С момента встречи они не сказали друг другу не слова.

Первой заговорила Вивьена:

– Я думала, что никогда тебя больше не увижу, Белфард. Сегодня ночью ко мне явилась мать-настоятельница и сказала, что Превосходительство потребовал от меня быть на рассвете в саду. Ты хоть представляешь, как я удивилась, увидев тебя?

– Это моя награда за путь, что мне предстоит проделать уже сегодня, – с грустью в голосе произнес Белфард. – К полудню я уйду из Обители и, возможно...вероятно...уже никогда не вернусь.

Виви смотрела на него с беспокойством. Но не стала задавать вопросов.

– Ты нарушил мой покой, чтобы опять оставить наедине со своей печалью. Ты эгоист, Белфард, – он, тем не менее, не услышал нот обвинения в ее голосе.

– Я знаю, Виви. И самый худший из них.

– Я все равно рада, что мы встретились, – с улыбкой произнесла девушка. – Ничто в жизни так не ободряет, как вскрытие старых ран. Они ноют, причиняют боль, но в конечном итоге ты привыкаешь к ним, как к старым друзьям.

– Прости меня, Ви. Я не смог удержаться, – Белфард стыдливо спрятал глаза.

– Я понимаю, – попыталась успокоить его Виви. – Я бы тоже не смогла, будь у меня такой шанс... Ты пойдешь один?

– Нет, со мной будет Калавий и еще пара братьев из Ордена.

– Это хорошо, – с облегчением сказала Вивьена. – Слава Калавия доходит и до стен нашего храма. Он истинный воин Пути, и всегда оставался непобедим.

– Он оставался непобедим, потому что ублюдок умеет хорошо убивать, – язвительно отозвался Белфард, – Если найдется тот, кто убивает лучше, его победы закончатся.

– Ненависть ненадежный союзник, Белфард, – с укором сказала девушка. – Что дает это чувство, кроме самого себя?

– Оно позволяет выживать, – сердитым тоном ответил он.

– Выживать помогают вера и убеждения, а вовсе не ненависть. Я вижу, что за три десятка лет твоя душа так и не нашла тропинку, ведущую к Пути. Ты блуждаешь в сумерках, но рано или поздно Матерь укажет тебе дорогу, – сказала Виви, обняв ладонями его лицо.

– Она уже указала... – саркастично произнес Белфард. – Только нужно это больше ей, чем мне.

Вивьена начала гладить Белфарда по голове и тихо напевать мелодию:

*Усталый сверчок, заходи за порог
Расскажи мне, что в поле творится?
Там трава и цветы, отблеск свежей росы
И туман, что стеною клубится...*

– Все такая же смоль, а не волосы, – с улыбкой произнесла девушка. – Черны как ночь, и на них все еще не взошли звезды седины.

– Ты красиво поешь... И говоришь. Не то, что я – бездарный чурбан и бесчувственный рубака.

– Ты просто приносишь в этот мир прекрасное по-своему. Жаль, что ты этого не видишь, – ее голос звучал печально.

Около часа они лежали и говорили обо всем и ни о чем, и даже дождь на время перестал лить, чтобы не нарушать этот интимный момент. Потом Виви положила голову ну грудь Белфарда и сказала:

– Тебе пора...

На одно мгновение Белфард решил бросить все, схватить ее за руку и бежать, бежать куда глядят глаза! Но вовремя осознал, что слишком многое зависит от него. Кроме того, инквизитории всегда находили беглецов – рано или поздно. И кара их была неотвратима. Но он не желал такого для Виви.

– Да, мне пора, – сокрушенно ответил он.

Белфард вынул мысли из омута недавних воспоминаний.

«Пора седлать Золотце. Время покоя ушло, настал час огня и меча».

Пока Белфард снаряжал лошадь, снаружи стали доноситься звуки ругани. В конюшню, как пыхтящий локомотив, влетел Превосходительство. Следом семенил преподобный Серафим.

– Это право трибуна решать, кто с ним может идти! – яростно грохотал Его Святейшество.

– Это право никто не нарушает. Но и вы не в праве запретить нам отправить с ним своего человека, – парировал Серафим.

– Своего человека?! Здесь все были свои, преподобный, пока вы не начали плести свои интриги!

– Сейчас интригами пахнет ваша затея, Превосходительство. – отозвался Серафим. – Вы так и не назвали нам четкую цель этого похода.

– Их цель – нести огонь Очищения на Пути Матери, – отрезал Превосходительство. – Цель у нас одна, и она никогда не изменится!

– Вы прекрасно понимаете, о чем я, и игра словами здесь и сейчас неуместна, – преподобный недовольно покачал головой. – Вы властитель в Обители, но Храмовый Совет создан для того, чтобы ваша власть не стала культом одного человека.

– И именно поэтому вы влезаете в мои дела и приставляете к «моим людям» своих надсмотрщиков? – язвительно спросил Его Святейшество.

– Да, именно поэтому, – коротко ответил тот.

Серафиму очень повезло, что в этот раз Превосходительство решил выйти из покоев без оружия, иначе голова преподобного случайно оказалась бы в конском навозе. Превосходительство подошел в упор к Серафиму и вонзил в него свой взгляд. Было видно, что тот хотел сделать шаг назад, но вовремя сообразил, как бы это выглядело. Белфард увидел, как комок прошел по горлу преподобного.

Превосходительство еще с пару секунд попялился на Серафима, потом резко развернулся на каблучках и направился к Белфарду.

– Планы меняются, – сказал Его Святейшество. – С вами поедет еще один.

– Кто? – вскинул брови Белфард.

– Моран.

«Если и есть в мире книга, описывающая всех паразитов на земле, Моран в ней точно описан как самый навязчивый. Так этот клещ вцепился в мою мошонку и не отпускает ее уже шестьдесят проклятых лет!»

Превосходительство отвел Белфарда подальше и перешел на шепот.

– Он не должен знать цель вашего похода.

– Как же мы ее скроем, если этот ублюдок развесит свои уши? – удивился трибун. – Да он не будет спать, лишь бы не пропустить то, о чем мы говорим.

– Я не знаю, – отмахнулся Его Святейшество. – Придумай что-нибудь. Моран в мои планы не входил.

«Я уверен, что он не входил в планы самого Бога, но что-то в небесной канцелярии в тот день пошло не так, и кто-то решил погадить Мораном сверху».

– Что ж, буду импровизировать, – с иронией отозвался Белфард. – Может, случайно толкну его с обрыва, кто знает?

– Убийство брата без должных причин страшный грех, – строго ответил Превосходительство. – Такие шутки тут неуместны.

«Я шут, но сейчас я не шутил».

– Седлай лошадь и по пути загляни в арсенал, – уже в полный голос продолжил Превосходительство. – Запасись всем необходимым. Остальные уже там. Провизию в поход я также распорядился доставить туда же из кухни.

Белфард взял лошадь под узды и прошел мимо Серафима.

– От вольнодумства до ереси один шаг, трибун. Ты встал на сторону не того человека. Что-то здесь не так, и я уверен, ты тоже это почувствовал. Если ты захочешь что-то сказать, сообщи об этом Морану. Он найдет способ передать нам твои слова, – произнес он Белфарду в след.

«О, я обязательно сообщу Морану, чтобы тот шел на хрен».

За спиной трибуна возобновилась ругань.

Подойдя к арсеналу, он привязал Золотце к ограде. Здесь же мирно щипали траву еще четыре скакуна. Внутри его уже ждали. Калавий, Бомо и док Хобл были в полной экипировке. Моран стоял в стороне и смотрел в пол, пока капеллан буравил его своим взглядом, закусив кончик трубки во тру.

– Опаздываешь, – бросил капеллан.

Белфард его проигнорировал.

– А вот и наш трибун! – интендант Кребс всегда был в хорошем настроении. – Поздравляю и выражаю тебе свое почтение. Первый трибун в Ордене, кто бы мог подумать! Твои гостинцы на столе. Три десятка патронов для револьвера, столько же ружейных, собственно,

сам револьвер и винтовка, и кое-что по мелочи – ружейная смазка, кремь, спички, табак, фляга с водой и тарелка с приборами. Веревка и котелок у вас общие, их уже забрал Бомо.

– Табак оставь себе, – Белфард покосился на капеллана, – Что на счет Золотца?

– Ваша мадам свежеподкована и накормлена под завязку, – шутливо ответил интендант. –

По пути пропитание она себе добудет сама – луговых трав там в изобилии. Также кобылу осмотрел ветеринар. Не смотря на почтенный возраст, она здорова, бодр и весела. Как он выяснил последнее, лучше спросить у него. Шоры на стойке, старые, но надежные. Конская броня там же.

– Путь долгий, мы пойдем налегке, – трибун поводит ладонью в отрицательном жесте. –

Не хочу, чтобы лошадь быстро утомлялась.

– Как будет угодно, – угодливо ответил Кребс. – Остальные тоже отказались.

Белфард повернулся к Морану. Его глаза бегали, как у голодного веснушчатого хорька, и выражали крайнее любопытство.

– Ты, – обратился к нему Белфард. – Любитель строчить жалобы. Отныне ты поступаешь под мое командование и будешь выполнять мои приказы.

– Я здесь по воле Храмового Совета и выполняю его приказы, – огрызнулся Моран.

– Скажи, капеллан, что Свод говорит об этой ситуации? – обратился к Калавию Белфард. – Должен ли инквизиторий подчиняться моим указаниям.

– Он должен подчиняться приказам любого из нас, поскольку все присутствующие выше него по званию или опыту. А еще потому что у него на губах молоко не обсохло, – с презрением сказал Калавий. – Отвечая конкретно на твой вопрос – да, он обязан подчиняться любому твоему приказу. Ты трибун, и Храмовый Совет не имеет над тобой власти.

Свои слова он подкрепил рукой, которая опустилась на рукоять меча для большей убедительности.

– Ты слышал, Моран? – издевательски произнес Белфард. – Если ты хочешь выполнять волю Храмового Совета, оставайся в замке и дальше им прислуживай. Я повторяю, будешь ли ты выполнять мои приказы или я сию секунду обвиню тебя в ереси и отправлю на костер?!

– Буду, – пробубнил Моран.

– Буду, что, инквизиторий? – нажал трибун.

– Я буду выполнять твои приказы, трибун, – громко и раздраженно ответил Моран.

– Вот и славненько! Всегда приятно поутру намылить кому-то шею. Это бодрит лучше горячего черного кофе, не правда ли? – сказал Белфард, потрепал Морана по плечу.

Бомо и Хобл прыснули от смеха.

– Если наш трибун закончил свои каламбуры, можем ли мы отправляться в путь? – прошипел Калавий.

– Разумеется, капеллан, разумеется, – с улыбкой ответил Белфард.

Когда ворота Обители с лязгом закрылись за их спинами, новоиспеченный трибун еще раз взглянул на крепость и ее высокие башни. Его посетила мысль, что если он когда-то сюда еще вернется, то будет уже совсем другим человеком.

Глава 7. Иные

Бомо рысью вел своего гнедого коня впереди. Он был шатеном, среднего роста и крепкого телосложения. Кудрявые волосы пробивались у него из-под шлема. Следом ехал док Хобл на мышастой кобыле. Он имел карикатурную для врача внешность – длинный острый подбородок, продолговатое тело, круглые очки на крючковатом носу и пытливый взгляд. Следом за ним ехал Белфард на Золотце и Моран на пегом скакуне. Замыкал колонну капеллан Калавий на вороной лошади.

Они пересекали внешнее крепостное кольцо Обители. Дождь закончился, и на смену ему пришло палящее полуденное солнце. В паре километров слева от них, в пределах кольца, виднелся шпиль башни – Храм Матери. Справа, под глубоким скальным обрывом, несла свои беспокойные глубокие воды река Кордия. При виде башни на Белфарда опять начали накатывать тоска и тревога. Он отвернулся и постарался отогнать их от своего сердца.

Претории-стражники, завидев их издали, сняли засовы и открыли ворота. Когда путники проезжали мимо них, те с почтением кивнули.

Калавий притормозил своего коня и достал карту. Белфард подъехал к нему и начал вглядываться в знакомые очертания Храмовых Земель.

– Будем двигаться до сумерек, а затем устроим привал здесь, – капеллан указал на небольшой овраг, шириной примерно в пятнадцать метров. – А утром двинемся к Восточному Дозору. До него примерно два дня пути. Там через мост мы выйдем из Храмовых Земель.

– Лучше будет устроить привал здесь, – Белфард провел пальцем от оврага чуть правее. – Справа нас прикроет ущелье, по которому течет Кордия, а тыл – вот эта гряда. По левой стороне выставим дозорных.

– Такая осторожность в Храмовых Землях излишня, но мне нравится ход твоих мыслей, он нам пригодится, – капеллан согласно покивал, выпуская густые клубы дыма. – Хорошо, так и поступим.

Они двинулись дальше. Моран ехал чуть сзади, по правую руку Белфарда. Он разглядывал эмблему трибуна, выгравированную ночью – рука, указывающая на костер вдали.

Белфард повернулся к нему и раздраженно бросил:

– Встань в цепочку впереди меня и не нарушай строй. Ты меня напрягаешь.

Моран послушно встал впереди. Они скакали по дороге, пересекавшей широкую балку, испещренную оврагами и руслами пересохших рек. Если бы дорога отсутствовала, передвигаться верхом по ней было бы проблематично.

В воздухе стояло раскаленное марево. Путники обливались потом, то и дело отгоняя от себя мошкар. Запах травы и луговых цветов дурманил и клонил в сон.

Дорога пошла под уклон. Тишину нарушали стрекотание кузнечиков и бряцанье доспехов храмовников. Периодически из травы выскакивали и перебежали дорогу луговые собачки, напуганные неожиданными гостями.

– Любопытные твари, эти суслики, – заговорил док Хобл. – С виду безобидные божьи твари. Милые, пушистые, пугливые. Но при этом переносят чуму, бруцеллез, туляремию и прочие нелицеприятные болезни. Как-то раз пара преториев отловила одного и решила сварить из него похлебку. Но видимо плохо ее приготовили. Как результат – два пациента с лептоспирозом со всеми вытекающими: воспаление печени, желтуха, сыпь и зуд, невозможность помочиться. Лечить пришлось долго и не факт, что потом болезнь не даст осложнений.

– К чему это, док? – спросил Белфард.

– Не ешьте сусликов, – мрачно заключил Хобл.

«Я и не думал их есть, пока ты не сказал. Зачем вообще жрать сусликов? Разве они съедобные? Интересно, а какие они на вкус...».

У Белфарда появилось желание прострелить одному из них голову и узнать. Но перспектива лопающегося мочевого пузыря и пожелтевших глаз заставили его передумать. Он провел рукой по коротко стриженному затылку и погрузился в другие мысли.

«Как мне обсуждать наши планы с Калавием, если этот идиот Моран будет все время как бельмо в глазу? Нужно придумать, как от него избавиться, и придумать поскорее».

В воздухе парил длиннокрылый орлан. Его тоскливый крик только усугублял тревогу. В отличие от храмовников, он был не прочь подкрепиться луговой собачкой.

Слева к Белфарду приблизился Калавий.

– Твои мысли выдают тебя. Перестань пялиться на Морана.

– Как мне о нем не думать? Этот змей умен и хитер. Рано или поздно он начнет о чем-то догадываться.

– Мы будем решать проблемы по мере их появления, – успокоил его капеллан. – Пока нам не о чем беспокоиться.

Моран вытянулся в седле и старательно прислушивался. Но дул попутный ветер и слова Белфарда и Калавия уносились вдаль.

«А старик весьма изобретателен. Он не мог об этом не подумать, когда заговорил со мной».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.